Произведения лауреатов и дипломантов Межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалей, поэт. 2020» - Публицистика

Номинация «Публицистика» 2020

Фарукшин Раян Назипович (персональный номер участника - 193)
Смелова Галина Геннадьевна (126)
Табатадзе Темур Варламович (73)
Елена Лазарева (132)
Хузахметова Рауза Менгалимовна (76)
Бакланова Лилия Дмитриевна (Leela) (199)
Гошев Сергей Аркадьевич (20)
Кожевников Владимир Алексеевич (166)
Попов Артём Васильевич (150)
Сумкина Алина Алексеевна (10)

Первое место (золото) и звание лауреата **Фарукшин Раян Назипович –** начальник отдела Северо-Западного таможенного управления, майор таможенной службы. Военной прозой и журналистикой занимается с 1996 года. Рассказы и статьи на военную тему публиковались в период 2003-2010 годах в Чечне, Татарстане, Краснодарском крае. Живёт в п.г.т. Актюбинский Азнакаевского района. Татарстан.

Отражение

Был хороший, светлый день. Мраморно-синее петербургское небо ненадолго стало голубым, освободившись от тяжёлых туч, медленно ушедших в сторону Ладожского озера. Эти злобные тучи унесли в себе тонны колючего мелкого мокрого снега, которые порывистый ветер вчера разбрасывал нервно и долго, меткими пригоршнями сыпля его за шиворот спешащим в укрытие горожанам.

Временами со стороны Финского залива появлялось далёкое солнце. Оно тонкими яркими лучами бросало своё драгоценное тепло на город и поспешно скрывалось за полупрозрачной ватной дымкой, застилавшей горизонт. Завидев солнце, я торопливо стягивал с головы шапку, пытаясь макушкой поймать его обманчивое тепло. Но уже через пару секунд приходилось резво нахлобучивать шапку обратно: как только исчезало солнце, местные болотные владыки – сырость и ветер – делали воздух промозглым.

На Серафимовском кладбище у могилы Героя России Дмитрия Кожемякина собралось много достойных людей. Помянуть разведчика-десантника, погибшего 20 лет назад в горах Чечни, пришли родственники и сослуживцы Героя, представители ветеранских организаций, суворовского военного училища, комендатуры округа.

Замер у памятника почётный караул. Минута молчания. Цветы, цветы, цветы…

Всё прошло скромно и торжественно, как и должно было быть. С воинскими почестями.

Потом часть собравшихся – близкие семье Кожемякиных люди – плавно переместилась в одно уютное кафе. Разместившись за столиками, разлили по рюмкам.

Сказать собравшимся первое и, наверное, напутственное слово, попросили ветерана Великой Отечественной войны*. Его представили громко и красиво: «Фронтовик, артиллерист, полковник в

отставке. 97 лет. Воевал на Воронежском, Юго-Западном, Брянском и Первом Украинском фронтах. Награждён орденами Александра Невского, Красного Знамени, Отечественной войны обеих степеней, тремя орденами Красной Звезды. А также: медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией» и другими, в том числе «За храбрость» от правительства Чехословакии».

В центр зала, несмело опираясь на трость, достаточно твёрдой для своих лет походкой вышел подтянутый крепкий мужчина в добротном сине-сером костюме, в белоснежной рубашке и при галстуке. Лицо – свежее, аккуратно выбритое. Чистые, опрятно уложенные волосы, даже не седые. Но самое главное, глаза! Живые, умные, понимающие. Синие, светящиеся добром глаза.

97 лет? Может, я ослышался?

Конечно, зал аплодировал. Стоя. Очень по-доброму, и от души. Искренне.

Фронтовик кивком головы поблагодарил нас за аплодисменты, жестом – попросил всё же дать ему слово. Зал затих. Фронтовику подали микрофон.

– Я родился здесь, в Петрограде. Мне было 18 лет, когда началась война. После окончания Восьмой Специальной артиллерийской школы, аналога нынешних кадетских корпусов, 14 июня 1941 года я сдал вступительные экзамены в Одесское артиллерийское училище. 6 февраля 1942 года, по окончанию ускоренных курсов училища, лейтенантом был направлен на Юго-Западный фронт. Участвовал в боях в районе Старого Оскола, под Воронежем, на Дону. Летом 1943 года командовал артиллерийской батареей 152-миллиметровых гаубиц на Курской дуге. При форсировании Днепра, действуя в передовом отряде дивизии, при захвате плацдарма получил проникающее ранение в голову. Сквозное пулевое ранение в голову. После лечения вернулся на фронт и участвовал в Киевской, Сандомирской, Одерской, Берлинской и Пражской операциях, - спокойно начал фронтовик ясным голосом, чётко выговаривая предложения. Микрофон ему особо был не нужен, каждое слово меткой пулей вылетало из его уст и со свистом впечатывалось в наш разум.

И каждый из нас, а слева от меня замер кавалер двух орденов Мужества, справа – кавалер трёх различных боевых наград, а напротив – Герой России, живо представлял себя на его месте и примерно, примеряя по себе, по своей войне, понимал, что сейчас фронтовик чувствует. Как призывно, с надрывом, гудит и стонет его душа. Как неумолимо ноет, выпрыгивая, вырываясь из груди, сердце. Как горячая кровь бурлит, будоражит воображение и приливает к глазам. И как он снова принимает в присягу, как видит первого живого фашиста в бинокль, как перепрыгивает через воронку и отшатывается от первого убитого. Как впервые слышит душераздирающий крик раненого и с недоверием рассматривает первого военнопленного. Как сжав от озноба зубы переплавляется через тихий Дон и неслышно стонет, отступая из горящего Воронежа. Как, сражённый пулей холодной осенью 1943-го, падает в ледяную воду Днепра.

Зал не мог так долго молчать и слушать. Переживать и осмысливать. И зал обрушил на фронтовика новый шквал оваций. Тот немного помолчал, обвёл нас понимающим взглядом. И ни один мускул не дрогнул на его одухотворённом лице.

– Войну прошёл в составе одной части. Это 602-ой пушечный артиллерийский полк, трижды переименованный и переформированный позже. 9 мая 1945-го я встретил под Прагой. Со слезами на глазах. Мой близкий товарищ, мой друг, с которым я прошёл всю войну, погиб 29 апреля. Для меня это стало одним из самых страшных потрясений за всю войну, – фронтовик осёкся, уголки его губ сжались и опустились вниз. Он вновь боролся со страхом, обидой и тяжело переживал смерть друга.

Мы снова наградили фронтовика аплодисментами, словами поддержки и благодарности.

– Знаете, впервые я попал в окружение 2 июля 1942 года под Старым Осколом. Было страшно, вы сам знаете, что война – это не лакированные стрелки на картах, это пробы и ошибки, но мне удалось с боем вывести своё подразделение из окружения. Потому что я верил в себя и в своих товарищей, верил в наши силы. Когда в конце января 1944 года мы снова попали в окружение, положение было аховое. Ужасное. Свои пушки, чтобы они не достались врагу, пришлось уничтожить самим. Некоторые старшие командиры, стыдясь, боясь плена, покончили жизнь самоубийством. Но я был очень молод и старался оставаться оптимистом, верил в удачу. Всего с двумя патронами в своём пистолете ТТ я прожил три страшные недели, но вышел к своим живым. И за всю войну ни я разу не матерился, всегда подбадривая бойцов добрым словом…

Ветерана вновь прервали овацией. Но он остановил их своим резким жестом.

– Не надо называть меня героем. Не надо думать, что я герой. Я не герой. Я просто один из 34 миллионов солдат Великой Отечественной. И то, что я стою здесь перед вами, с вами, и моя долгая жизнь – это не только моя награда, но и моё испытание. Испытание на прочность. Знаете, на фронте я потерял 55 человек из своей батареи. 55 человек, которых считал боевыми товарищами. Иногда, во сне, они приходят ко мне, стоят, смотрят на меня, спрашивают: «А достойно ли ты живёшь? Что ты сделал для страны? Достоин ли ты вообще жить, лейтенант? Чем ты занят? Не зазнался ли ты? Не считаешь ли себя героем?». Им не повезло выжить, а мне повезло. И я, друзья мои, стараюсь жить так, чтобы в тот день, когда мы с ними встретимся в ином мире, в тот самый момент, я смог твёрдо пожать им руку, крепко обнять их и смело посмотреть каждому из них в глаза. И сказать, что я прожил достойно, честно и правильно не только за себя, но и за всех них…

Я не считаю себя героем. Гордыня – тоже грех…

Мы все, здесь собравшиеся, прошли через войну. Некоторые из вас тоже попадали в окружение, многие – были ранены или контужены, и все – оказывались в такой ситуации, когда только от вашей выучки, смелости и решительности зависела ваша дальнейшая судьба, судьба ваших боевых товарищей. И вы сумели выстоять. Думаю, некоторые из вас в Афганистане или Чечне попадали в такие передряги, что пострашнее моих. И я считаю, что мы с вами в равной степени проявили трудовой и боевой подвиг самопожертвования во имя светлого будущего и настоящего нашей страны. Не ради орденов. Ради самой жизни…

Когда-то я считал своими однополчанами тех, кто служил в моей батарее, потом – кто служил в нашем полку, потом – кто воевал на одном со мной фронте. Теперь вы все – мои однополчане! Вы – мои братья по оружию! Вы воевали на одном со мной фронте: за мир и против чумы. Против террористов, бандитов, фашистов. И в этой борьбе, в этой войне, мы с вами теряли своих боевых товарищей. Вот за них мой тост…

Простите за столь долгое выступление, я немного волновался. Были в прошлом году переломы, долго лечился, восстанавливался. Вот и вчера пролежал весь день, но когда услышал, что приглашают встретиться с моими однополчанами, я понял, что не должен болеть, я встал и пошёл. И мне не сложно, не больно, а радостно быть с вами…

Фронтовик опустошил рюмку. Поклонился коротким кивком головы. Опустился на стул. Зал молча последовал его примеру.

Я был потрясён. Ни пафоса, ни бравады, ни «головокружения от успехов» от собственных заслуг, ни старческой потери памяти и ориентации в годах и пространстве. Никакой путаницы. Ничего лишнего. Абсолютно трезвый, ясный ум. Настоящего офицера, ветерана, фронтовика.

Я вышел из кафе. Пора домой. Солнце полностью скрылось за прохладною дымкой, тянущейся с Балтики. Тучи усиленно худели, яростно изливая на город литры дождя. Накидывая капюшон, я недовольно поморщился и ускорил шаг.

Погрузившись в свои мысли, я едва не врезался в широкий рекламный щит, неудачно установленный у самого входа в метро. Подняв глаза, я ошарашенно уставился на надпись, сделанную на белом фоне, широкими мазками в виде красных стрелок, нанесённых на карту: 75 лет Великой Победе. Слева, уткнувшись в свой телефон, в метро входил вялый пухлый юноша в фиолетовой куртке с длинными, окрашенными в фиолетовый цвет волосами и с толстой серебряной серьгой в носу. Справа, невольно задев меня, неожиданно остановившегося, плечом, в метро вбегала высокая девушка с ярко-зелёными короткими волосами. Она, выразительно выругавшись, обернулась. Наши глаза встретились. Криво ухмыляясь, девушка одёрнула своё короткое чёрное пальто и поспешила дальше, вниз по лестнице. В освободившемся пространстве, на поверхности зацарапанной алюминиевой двери я увидел отражение своего лица. И отражение юбилейного плаката. На секунду мне показалось, что с него смотрит мой прадед**, красноармеец, вернувшийся в родную деревню с Волховского фронта весь израненный и без ноги. В своей мятой коричневой фетровой шляпе, единственном (парадном) сером пиджаке, украшенном двумя орденами и двумя медалями, он сурово измерил меня взглядом.

«А достойно ли ты живёшь? Что ты сделал для страны?»

** Феофанов Борис Капитонович. В послевоенное время продолжил службу в артиллерии, в 1960-х годах служил в РВСН. В 1968 году с должности начальника штаба дивизии по состоянию здоровья был переведён на преподавательскую работу в Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова. Демобилизован по болезни в 1975 году, но продолжал работать до мая 2001 года на промышленных предприятиях города.*

*** Всю жизнь проработав плотником в глухой деревушке и воспитав восьмерых детей, мой прадед, Ихсанов Габдулгалим Ихсанович, умер в 1981 году. Я смутно помню его именно таким, празднично одетым и с наградами. Видимо, мы ездили к нему на юбилей Победы, в 1980 году.*

Второе место (серебро) и звание лауреата **Смелова Галина Геннадьевна –** историк- краевед, учитель, журналист, литератор. Член Союза краеведов России, член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, член Тихвинского ЛИТО «Автограф». Руководитель Тихвинского отделения РОО «Исторический клуб Ленинградской области». Живёт в городе Тихвин Ленинградской области.

Участник первого Парада Победы

22 и 24 июня разделяют всего два дня. А в памятные сороковые между ними пролегла вся война с гитлеровской Германией: с трагического для нашей Родины июня 41-го до светлого июня 45-го, дня, в который состоялся самый первый и самый значимый Парад Победы. Тогда в составе сводного полка 3-го Белорусского фронта прошел по Красной площади и наш земляк – Валентин Михайлович Чернов.

Каким был боевой путь молодого ефрейтора, можно судить по его воспоминаниям и бережно сохраненным документам. Вот, например, снимок 1939 года, на котором молодой боец в легендарной буденовке. Это начало. А вот другой, на обороте которого значится дата: конец июня 1945 года. С него на нас смотрит фронтовик в новенькой военной форме, пошитой специально для всех участников Парада. На его груди боевые награды: медали «За отвагу» (целых две!), «За оборону Москвы» и «За победу над Германией». Это слева. А справа – «Звездочка» (так любовно называли на фронте орден Красной Звезды), гвардейский знак и знак «Отличный разведчик». Последний, по заверениям ветеранов, довольно редкий.

«Все для победы!»

О том, что началась война, Валентин Чернов – квалифицированный слесарь-инструментальщик оборонного предприятия в Бежецке узнал вместе с другими рабочими во время трудовой смены.

– С началом войны работали почти без выходных, ведь наш цех выпускал знаменитые пулеметы «Максим». Помнится, с лета план стал очень напряженным. Фронту требовалось много оружия и боеприпасов. Рабочие хорошо понимали это и трудились с полной отдачей, – вспоминал Валентин Михайлович во время нашей беседы, состоявшейся в мае 1994 года. – А потом фронт неотвратимо стал приближаться к городу. В небе все чаще появлялись вражеские бомбардировщики. Но нам особо прятаться было некогда, ничто не должно было помещать выполнению плана…

В сентябре 1941 года, когда угроза захвата Бежецка стала очевидной, их предприятие эвакуировали в Казань. Задачи тогда ставились и соответственно решались жестко, по-военному: по прибытии на место – всего через неделю – цех должен был дать – и, действительно, начал выдавать! – родной армии свои «фирменные» пулеметы. Именно отсюда легендарные «Максимы», собранные руками молодого слесаря и его товарищей, регулярно поступали на фронт.

На фронт по спецпризыву

В начале октября, в связи с резким обострением обстановки на Московском направлении, в действующую армию частично были призваны даже высококлассные рабочие с оборонных предприятий. Попал в тот специальный призыв и Валентин Чернов, а уже в ноябре получил боевое крещение в тяжелых сражениях на подступах к столице. Воевал он в составе 914-го артполка 352-й стрелковой дивизии. И так совпало, что боевой путь их соединения начался с освобождения исторического места – поля русской славы Бородино.

Впрочем, самому Валентину Михайловичу больше всего запомнились бои под Оршей. Немцы в том районе сопротивлялись отчаянно. Но, преодолевая сильную оборону противника, наши войска упорно продвигались вперед. В тех сражениях артиллерийские разведчики корректировали огонь дивизионной артиллерии с наблюдательного пункта, расположенного на передовой. Благодаря этому наши орудия успешно били по огневым точкам фашистов, разрушали заграждения, блиндажи и дзоты. В один из критических моментов боя в атаку пошли и разведчики, которых было всего десять человек. Ворвавшись во вражеские траншеи, они захватили наблюдательный пункт, оборудованный на господствовавшей высоте. А затем, забросав гранатами пулеметные гнезда, взяли двоих пленных, трофейные пулеметы и заняли оборону. Вскоре противник попытался вернуть оставленные позиции. И тогда разведчики приняли неравный бой. Они вызвали огонь своих батарей по второй линии траншей, в которых собиралась для решительной атаки немецкая пехота. Учитывая стратегическую важность этой высоты, командир полка приказал по рации «держаться, во что бы то ни стало». И разведчики-артиллеристы не только выстояли, но и поддержали пулеметным огнем наших бойцов, отступивших было на правом фланге. Благодаря этому поставленную задачу удалось выполнить и овладеть вражескими позициями…

За тот бой ефрейтор Чернов был награжден первой медалью «За отвагу».

Потом были другие сражения, и другие награды. И еще не раз он встречался со смертью. Для кого-то эти слова могут показаться банальностью – мол, слышали, знаем. Но ведь все так и было на самом деле. Потому и стали военные годы особыми в жизни нескольких поколений, что требовали от людей максимальной отдачи сил, такого мужества и стойкости, на которые поначалу далеко не каждый считал себя способным…

Пелагея Васильевна, мать отважного разведчика, накануне Нового 1945 года получила с фронта письмо от комиссара подразделения старшего лейтенанта Жмайло. Тот треугольник бережно хранят в семье Черновых. На уже ветхой от времени бумаге разборчивым почерком выведено: «…Благодарю Вас, дорогая, за воспитание сына, смелого и мужественного воина, который, не жалея сил, бесстрашно сражается с врагом… Мы гордимся Вашим сыном. У нас в части все его знают и уважают за его мужество, смелость и отзывчивость, как хорошего товарища…».

Воевал Валентин Михайлович действительно отменно, а ведь службу в артиллерийской разведке фронтовики всегда считали одной из самых рискованных и опасных.

Так со своим 914-м артполком 352-й стрелковой Оршанской Краснознаменной дивизии 31-й армии и прошел разведчик В.М.Чернов боевой путь. И дошел бы с ним до самого фашистского логова – Берлина, не получи 6 февраля в кровопролитном бою за город Кенигсберг тяжелого ранения. В тот раз разведчики скрытно выдвинулись вперед от своих артпозиций. Окопались, быстро оборудовали и замаскировали наблюдательный пункт. И тут их неожиданно накрыли снаряды противника… Очнувшись и осмотревшись, Валентин заметил лежащего без сознания друга и, сам тяжело раненный, несколько километров тащил его на себе. После этого боя ефрейтор Чернов надолго оказался прикованным к койке военного госпиталя, находившегося в Каунасе. И здесь, как на передовой, он мужественно и стойко переносил одну за другой тяжелые операции – хирурги долго вынимали из его тела многочисленные осколки.

Когда пришла долгожданная весть о капитуляции фашистской Германии, в госпитале от захлестнувших всех и каждого эмоций было шумно и радостно. Радовался, конечно, и бывалый разведчик Чернов. Но все же лично ему было несказанно обидно: не накрой его в том памятном бою вражеские снаряды, может, и в самом Берлине удалось бы побывать…

Выписали его уже после Победы – 14 мая. Что делать: такова непредсказуемая солдатская судьба. А с ней, как известно, не поспоришь. Только, кто ж знает, как бы еще все могло обернуться…

Почетная миссия

Для дальнейшего прохождения службы В.М.Чернова направили в 208-й запасной стрелковый полк. И надо же было такому случиться, что именно здесь его застало радостное известие: он оказался одним из тех воинов, на которых легла почетная миссия участия в Параде Победы. Ветеран с особым чувством и душевной гордостью вспоминал, что отобрал его «сам маршал Баграмян», являвшийся в то время командующим фронтом, в составе которого воевал и герой-разведчик. Про то, когда точно будет парад, его участникам не сообщили. Но уж в том, что он состоится именно в Москве, никто из них даже не сомневался.

В столицу их спецпоезд прибыл рано утром. Это мгновение Валентин Михайлович крепко запомнил: было только четыре часа, а на перроне уже находились тысячи встречающих с огромными букетами цветов. Расцелованные и одаренные цветами фронтовики погрузились на машины и направились к месту назначения, как потом оказалось, для обязательных предварительных репетиций. Ведь они должны были пройти по Красной площади показательно – четко и красиво, чтоб ни у кого и йоты сомнения не было – идут победители! Они понимали всю меру возложенной на них ответственности и потому очень старались добиться слаженности и синхронности движений.

А еще Валентин Михайлович раскрыл небольшой секрет. Оказывается, для того, чтобы шаг идущих получился действительно звучным и чеканным, каждый из них в каблуки и подошвы своих сапог вбил (по определенному рисунку) гвозди с большими шляпками. Поэтому, если кто-то во время репетиций сбивался, то это сразу улавливалось на слух.

– На войне ведь строем ходить особенно не приходилось, – объяснял мне ветеран, – поэтому я уж и не помню, сколько раз мы прошли по местности, точно соответствующей по своим параметрам Красной площади. А только ноги стерли до крови. Опасались даже, что в нужный день шагу сделать не сможем – до того больно было. Выкладывались так, что сто потов сходило, похудели даже, хотя и кормили нас отменно.

Но зато и результаты превзошли все ожидания. Не случайно фронтовикам доверили пройти в тишине, – без сопровождения военного духового оркестра!

...24 июня 1945 года и москвичи, и гости столицы пребывали в ожидании важного события. Моросил летний дождь, но он не мог повлиять на царившую вокруг торжественно-радостную обстановку. И вот парад начался. В сводных полках под штандартами всех фронтов Великой Отечественной по Красной площади прошли, синхронно чеканя шаг, 16000 воинов-победителей. Наступил и самый главный момент – военные штандарты поверженного противника с грохотом полетели на деревянный настил у подножия Мавзолея («Это чтобы нашу землю ими не поганить», – пояснял мне ветеран).

Грандиозное событие…

Первый парад Победы навсегда остался в душе и памяти Валентина Михайловича как самое главное событие его биографии. Поэтому ежегодно 9 мая он непременно ставил на проигрыватель «ставшую заветной» маленькую виниловую пластинку с песней о боевом пути 31-й армии. Ее прислали ему друзья-однополчане, с которыми артразведчик прошел славный боевой путь от Москвы через Волоколамск, Ржев, Оршу, Борисов и Минск до города Кенигсберга.

…После войны В.М.Чернов переехал в Тихвин, работал на градообразующем заводе «Трансмаш», часто выступал перед школьниками и рабочей молодежью, рассказывая о боевых действиях, в которых участвовал сам, о примерах проявления мужества и героизма рядовыми и командирами своей части. Он призывал юных бережно хранить память о павших героях, о своих дедах и прадедах, поддерживать и достойно продолжать заложенные ими традиции. А, отвечая на самый главный вопрос: «Почему наша страна победила в той войне?» – убежденно, но без лишнего пафоса, объяснял:

– Никогда, даже в самое тяжелое время, мы не допускали мысли, что фашисты смогут нас одолеть. Это потому, что народ заедино встал на защиту родной земли, своего Отечества.

Так они думали, так сражались, так победили...

Будем и мы, сегодняшние, достойны их подвигов и светлой памяти.

Второе место (серебро) и звание лауреата **Табатадзе Темур Варламович** – живёт в городе Сачхере, Грузия.

Хотят ли русские войны

(Воспоминание)

Случай, о котором я хочу рассказать, произошел с моим отцом во время Великой Отечественной воины.

Будучи студентом пятого курса Тбилисского государственного медицинского института, с первых дней войны, отец, Варлам Сардионович, был отправлен на фронт. Случилось так, что он не смог попрощаться с родителями, живущими в высокогорной деревеньке.

Он попал в Севастополь, в 782 полк 388 дивизии Приморской Армии и был назначен младшим врачом полка.

В конце декабря кровопролитные бои обострились. Однажды, при эвакуации раненых из нейтральной полосы, в машину «Красного креста» попал фашистский снаряд. В живых остался только отец.

Его взяли в плен и поместили в лагерь для военнопленных, а после отбора отправили пешком до какого-то привалочного пункта. По дороге мой отец обессилел и не мог идти в колонне. Его ожидала непременная смерть, фашисты на месте расстреливали обессилевших пленных, но вдруг откуда-то появился пленный Иван с санками, которые нашлись в сгоревшей деревне.

Иван, русской национальности, родился и вырос в Москве и со школьной скамьи, по своему желанию отправился на фронт. Он нашел в себе силы, посадил отца на санки и вез его в течение трех дней до пункта назначения. Фашисты громко надсмеивались над ним и заставляли двигаться быстрей, но Иван не бросил фронтового товарища...

День Победы Варлам Сардионович встретил в Норвегии на острове Госсен. Об Иване он знал, что его оставили в Германии в городе Гаммерштейн, куда их отправили вместе, после Севастополя.

Отец, несмотря на агитацию американцев, вернулся на Родину, прошел госпроверку, закончил институт и всю жизнь проработал в маленьком грузинском городе Сачхере заведующим терапевтическим отделением районной больницы.

Варлам Сардионович до конца своей жизни общался со своими однополчанами и не прекращал поисков своего спасителя, но поиски закончились безуспешно.

Однажды я спросил отца, почему он не знал фамилии Ивана, на что он ответил:

– Тогда не было времени для знакомства, а после мы уже не встречались лицом к лицу, чтобы узнать поподробнее друг о друге.

Перед смертью отец призвал меня, передал мне символично «знамя добра» Ивана и попросил, чтобы я достойно нес его и завещал своему сыну.

Каждый год, 9 Мая в день Победы в отцовском доме мы накрываем на стол. Как в военное время – по традиции, ставим по сто грамм с черным хлебом на имя Варлама, Ивана, и первый тост пьем за их упокой.

Так иду я по жизни со знаменем Ивана и умножаю в этом мире добро. После меня этот путь продолжат мои следующие поколения и так будет жить в памяти имя Ивана – имя простого русского солдата, ставшее символом доброты и мужества.

Третье место (бронза) и звание лауреата – **Елена Лазарева** – Живёт в Москве.

В поисках Книги Памяти

Путевой очерк

Я решила отыскать могилу своего деда. Он погиб 10 сентября 1943 года. Под Брянском.

– Зачем? – обгоняя очередной троллейбус, сын вывернул руль и прибавил газ чуть больше нужного.

– Поэтому я и не говорила.

– Мне трудно понять. – Мы застыли в правом ряду у светофора. – Это ничего не меняет в жизни. В его – ничего не изменит точно, в твоей тоже.

– Если скажу, уже изменило?

– Возможно, у тебя внутри. – Загорелась зеленая стрелка, сын плавно вошел в поворот и преодолел знакомый подъем.

– Внутри – тоже часть моей жизни. Порой, более важная, чем остальное.

– Тогда делай. («Отлично, – подумала я, – такими темпами через пару недель можно будет окончательно выйти из тени»).

– Часть я уже сделала: разыскала документы. Теперь мне нужна твоя помощь.

– Звони, и все будет. – Он притормозил у нужного подъезда, отпустил руль и повернулся: – Важно так важно.

Мой дед погиб на пути к фронту. В десятке километров от того места, куда он ехал. Во время вражеского авианалета на узловую железнодорожную станцию – в числе других военных поездов там стоял и вновь сформированный военно-медицинский эшелон госпиталя, в котором он служил. Знаю, что бомбежка произошла ночью и была страшной. Кровавое месиво. Многие из тех, кто оказался в ту ночь на станции, до наших дней числятся пропавшими без вести. Как поначалу числился и мой дед.

О его смерти бабушка узнала после войны. Сначала от очевидцев, что вернулись домой с победой, потом в военкомате, куда она обратилась узнать о судьбе мужа, – похоронки на него семья не получила. В военкомате ей показали какую-то справку. Бабушка ее прочла и даже не попросила сделать копию. Запомнила и ушла. Там было написано, что мой дед убит и похоронен в братской могиле. На станции Сухиничи.

Еще сохранилось пожелтевшее письмо военных лет, которое он успел прислать с фронта. Единственное. Написанное 9 сентября 1943 года. Бабушка получила и прочла это письмо, когда моего деда уже не было в живых. Возможно, поэтому ему навсегда осталось тридцать три года – для его жены и трех дочерей, младшей из которых, моей матери, спустя короткое время исполнилось семь.

Это все, что я знала. От своей матери. От бабушки. От других родственников.

Точнее – все, что я хотела знать.

Сколько себя помню, в моем окружении постоянно шла речь о том, что кто-то поедет и найдет могилу деда.

Бабушка говорила об этом тихо, как о мечте. Порой она заводила такой разговор с нами, внуками, когда мы собирались в ее доме на летние каникулы – все шестеро. Возможно, хотела, чтобы кто-то из шестерых прислушался, на миг оторвался от ее вкусных пирогов и незабываемых вареников с вишней, встал из-за стола, собрался, а потом поехал и сделал то, о чем она говорит.

Но при этом сама бабушка – на наш детский взгляд – ничего не делала. Даже чтобы поднять с насиженного места кого-то конкретного из шестерых.

Моя мать говорила об этом громко, как о реальной возможности. Но тоже ничего не делала. Зато она любила размышлять вслух и высказывать новаторские идеи: например, написать письмо «каким-нибудь пионерам, которые занимаются поиском». Притом что я и моя старшая сестра, два активных советских пионера, с утра до вечера тоже занимались поисками и увековечиванием памяти, но совершенно других участников войны. Ведь их имена носили наши школы. Наши пионерские дружины. Наши пионерские отряды.

Те, другие участники далекой для нас с сестрой войны, конечно, были героями. Ковали победу. Платили кровью. Совершали подвиги. Их славные биографии надо было знать назубок. О них нужно было искать материалы по архивам и библиотекам, о них громко рассказывать на классных собраниях.

Еще был длинный ряд ветеранов – тех, кто выжил в той страшной войне. Тех, кто вернулся с Победой. Каждому из победителей, даже если они не были героями (как и мой дед), я была по-пионерски навек обязана за собственное мирное небо и счастливое детство. Их я должна была окружать своей заботой, всячески чтить и помнить.

Столько бесценного детского времени было на то потрачено, столько чужих историй прослушано, столько букетов вручено… что я уже ничего не помню. Ни имен героев, ни их историй, ни даже истории той, навсегда далекой для меня войны.

А когда рос и ходил в школу мой сын, мирное небо над их детскими головами спасали уже не пионеры-герои, и не стареющие ветераны с военными орденами, а четыре бесстрашные американские «черепашки-ниндзя» во главе с гуру-крысой. Они, а не милые моему детству интернациональные «четыре танкиста и собака», врывались в наш дом с экранов телевизоров, страниц детских журналов, фантиков и наклеек, со школьных тетрадных обложек, уличных рекламных щитов.

Мой взрослый сын уже ничего не говорит о том, чтобы найти где-то под Брянском могилу погибшего прадеда.

Идти забытыми дорогами войны меня побудила смерть моего отца. Хотя войну он застал, будучи ребенком, а умер в преклонном возрасте. Казалось бы, совершенно не связанные между собой события. Разве что, фактом смерти.

В отличие от моей матери, мне повезло: мой отец всегда был рядом со мной. Когда я появилась на свет. Когда училась кататься на велосипеде. Когда болела скарлатиной. Когда пошла в школу и ее окончила; шаг за шагом искала себя и, наконец, обрела. На протяжении жизни он помогал мне и во всем поддерживал. Потому что любил меня.

Когда я ехала в поезде на его похороны, я всю дорогу смотрела в окно, а в моей голове возникали и крутились вопросы – те, что я по разным причинам не успела ему задать. Откладывала на потом. Забывала. Опять забывала. Считала, что разберусь сама. Думала, что не важно.

В тот момент я вдруг осознала, что в мире существует множество ответов на каждый из моих вопросов. Но я уже никогда не услышу и не узнаю, что ответил бы мне мой отец. Именно он – именно мне.

Тишина. На смену ей придут фантазии («А что бы он мог ответить?» – и у каждого своя версия). А затем пустота. Рано или поздно. Ведь человеческая память – такая хрупкая вещь. И в моей голове уже не будет возникать к нему вопросов. Как у моей матери, что вспоминает погибшего на войне отца, когда несет ежегодные майские цветы к безымянному Вечному Огню.

Однако спустя два года, на очередные годины отца, мама – слушая наши с сестрой разговоры и воспоминания – вдруг заговорила о могиле своего отца. Что надо ее найти.

Меня в тот момент поразило, что она впервые сказала об этом тихо. Как когда-то говорила бабушка. Словно о мечте.

На новом витке воспоминаний мы с сестрой подняли с полок семейный архив, отыскали среди документов довоенную фотографию деда и то – единственное – его письмо с фронта.

А потом непростительно долго, передавая друг другу листок, пытались разобрать написанные чернильным карандашом слова на стертых временем сгибах потемневшей бумаги. Мы столько лет не перечитывали эти строки, что почти не помнили, что в них. Вернее, помнили – в общих чертах. Или считали, что помнили, потому не перечитывали.

Мой дед ехал в сторону фронта… так быстро, что его поезд бросало из стороны в сторону, заносило на поворотах, – вместе с убегающими со строк, теснящимися, наезжающими друг на друга круглыми лиловыми буквами. Он вспоминал суматоху перрона, боль прощания; смотрел в вагонное окно на ясный осенний день, обманчиво мирное, солнечное небо без единого облака; думал. Писал, что грядут решающие бои, что ему предстоит огромный объем работы, что фашизм ответит за все. Он успокаивал бабушку, говоря, что чувствует себя намного лучше, нежели в момент отъезда, лишь его постуженный голос стал еще хуже, чем был (видно, пришлось всерьез побегать и покричать на том перроне перед отправлением вновь сформированного состава). И он твердо верил, что вернется, – чтобы никогда не разлучаться.

Я перевернула письмо.

На внешней стороне фронтового листка-конверта виднелась потертая пятиконечная Красная Звезда, рядом с которой едва читалась набранная мелким шрифтом надпись: «Красноармеец! Презрение к смерти рождает героев! Не знай страха в бою за нашу Родину, за наши города и сёла, за наших отцов, матерей, жён, детей». На фоне скупо пропечатанных трех обычных почтовых штемпелей выделялась жирная черная печать «ПРОСМОТРЕНО Военной Цензурой» с порядковым номером отправления. Под написанным рукой деда, знакомым с детства адресом – с фамилией и именем моей бабушки – шла выделенной печатной строкой по-армейски лаконичная инструкция: «Паника – худший враг. Борись с паникёрами, разоблачай шептунов». Ледяная пропасть, отделявшая мирный «Адрес получателя» от тревожно-краткого «Адреса отправителя»: «в/эшелон». От последнего адреса моего деда.

(«Нужно сделать копию, – в голове разом возник план действий, – расшифровать все, письмо и конверт, пока еще можно с лупой рассмотреть детали, распечатать дубликат и положить его вместе с

письмом, чтобы не трепать ветхий листок всякий раз, когда захочется его перечесть».)

Отложив письмо, я спросила у мамы про военную справку – ту, что бабушка прочла в документах военкомата и не сделала копию. Где было указано, что дед погиб.

Где находится братская могила, в которой он похоронен? С чего начинать поиски нам или тем далеким «пионерам», с которыми в наши дни вполне можно связаться напрямую, – с учетом современных технологий. Кто сумеет подтвердить, что ее отец, наш с сестрой дед, погиб на войне?

Однако с фактами дела обстояли плохо. У всех.

Мама помнила с чужих слов обстоятельства и дату гибели своего отца, а название места забыла. Сестра помнила массу деталей из рассказов бабушки, что несколько лет жила вместе с ними, но совсем не помнила дат и названий. Мне, чтобы быть до конца уверенной, пришлось проверять себя по карте – благо, во времена наших детских планирований собственного военного поиска, на очередных летних каникулах у бабушки, мы, шестеро внуков, делали это не раз.

– Сухиничи, – растерянно повторила мама и почти сразу забыла найденное мною на карте название станции.

В тот момент мне и захотелось найти могилу ее отца. Своего деда.

Для нее. Для себя. Возможно, для моего сына. Захотелось прервать поток фантазий и ползущее ржавчиной забвение – частью которого давно была я сама. С того времени, как научилась пропускать мимо ушей тихие слова бабушки и громкие лозунги матери.

Знала, что кто-то, когда-то должен поехать, – но никогда не задавалась этой целью сама.

– Я разыскала документы. Через военный архив. – Сын посмотрел на меня долгим, внимательным взглядом. – У меня на руках есть копии справок, копия приказа с приложенным списком погибших офицеров и начсостава Красной Армии, страница из Книги Памяти. С его именем. Он числится погибшим в боях, похоронен в братской могиле в городе Сухиничи.

– Значит, нашла. Остается съездить.

– Не совсем. После войны там сделали общее захоронение: пять тысяч двести тридцать два человека, из сотен братских могил. Но в списках мемориала нет его имени. В других братских могилах, что остались в окрестностях, тоже нет. Я проверила все списки. И дата смерти – я не нашла с такой датой ни одного… ни среди безымянных, ни среди тех, кто с именами. А ведь в ту ночь погибли многие. Такое ощущение, что их похоронили где-то в другом месте.

Помощь сына мне требовалась в этом – он понял и продолжал слушать. Мне был нужен спокойный, непредвзятый взгляд на запутанные эмоциями факты. Прежде чем двинуться вперед или вовлекать в путаницу других, мне хотелось подытожить то, что я успела накопать в одиночку. Маму и сестру я решила поставить в известность позже. Когда найду. Если найду.

– Я нашла в архиве список пропавших без вести – в ту ночь, при авианалете. Так и написано: «Пропал без вести при авианалете на станцию в ночь с 10 на 11 сентября». Огромный список, почти двести человек – и это по одному из эшелонов. По военно-строительному. А дед был в военно-медицинском. Таких эшелонов, судя по обстоятельствам, мог стоять десяток. Я подняла в интернете военные сводки – за сентябрь 43-го. В том месте готовилось большое наступление, поэтому немцы и бомбили станцию. Через две недели, 25 сентября, освободили Смоленск и двинулись дальше. Там

шло скопление войск. Бомбили эшелоны, громадное количество жертв – и ни одного человека с такой датой не похоронено? Ни в одной из братских могил? Странно. Данных о захоронениях по военно-строительному эшелону тоже нет – люди так и числятся пропавшими без вести. Все. Но ведь где-то их похоронили? Всех, кто погиб в ту ночь.

– Значит, невозможно найти. О том и речь.

– Я хочу собрать нужные документы и вписать его имя в поименный список на общей братской могиле.

– Тогда ты сможешь считать, что нашла его могилу?

(Да, именно этот ироничный вопрос мне и был нужен: я понимала абсурдность ситуации и втайне хотела убедиться, что это не так.)

– Там видно будет. Когда прочту на камне его имя.

Станция Сухиничи оказалась непростой – узловой (в том числе, для меня).

Это соединение в итоговую прямую ветку западной и южной дорог на Москву. Поэтому за Сухиничи так жестоко воевали – во все времена. Обороняли до последнего, штурмовали любой ценой. В ходе оккупации немцы соорудили из станции неприступную крепость, но ее все равно вернули – подтянули войска и двинулись в наступление. На Смоленск.

Пять тысяч наших воинов полегло здесь в 41-м и 42-м, защищая в затяжных оборонительных боях стратегически важный железнодорожный узел. На пути к Москве. Пять сотен партизан были убиты и казнены здесь в годы оккупации: специальные отряды, с кадровыми военными во главе, были в срочном порядке сформированы при отступлении и оставлены для ведения скоординированных военных действий в глубоком тылу врага: подрывали непрерывно идущие на восток поезда с техникой и солдатами со всей Европы. Пять сотен мирных жителей, включая работников станции, были убиты за отказ от сотрудничества с оккупантами и помощь партизанам. Три тысячи красноармейцев положили жизни, чтобы вернуть станцию в августе 43-го и защитить в ходе неоднократных попыток немцев ее отбить.

Тех, кто погиб или пропал без вести во время авианалетов на отвоеванную у врага станцию, уже никто не считал.

Единственным, что давало хоть какую-то надежду на выход из тупика, было огромное число неопознанных тел – почти в каждой из оставленных войной братских могил, включая гигантский городской мемориал в Сухиничах, куда год за годом продолжают переносить прах воинов из рассыпанных по окрестностям захоронений. Теперь это почти шесть с половиной тысяч красноармейцев, погибших в разные годы войны, среди них – двести безымянных воинов.

Один из этих похороненных безымянных людей и есть мой дед.

Если не предположить невероятное – что его братскую могилу после войны не нашли. Эшелоны могли стоять по запасным путям, опознать и сосчитать тела погибших было сложно, похоронить могли в чистом поле. А потом было не до этого. В пылу наступления. В пылу Победы… И я не могу прочесть его имени на украшенном звездой скромном обелиске, поскольку в этом месте нет самого обелиска.

Факты – упрямая вещь. В перечнях имен больших и малых братских могил, включая общее

многотысячное захоронение, даты смерти, за редким исключением, приходятся на 41-й, 42-й годы и конец лета 43-го – время обороны и освобождения района от немцев. В первоначальных списках я не сумела найти тех, кто погиб или умер от ран во второй декаде сентября 1943-го, – их имена, включая погибших 10 и 11 сентября, стали появляться в последние годы. Возможно, стараниями родственников.

Словно о тех, кто погиб накануне наступления в массированном фашистском авианалете, в самом деле, надолго забыли. Или – перепутали даты, потеряли бумаги.

– Шла война, – сказала мне с горечью одна из сотрудниц Центрального военного архива, когда мы с ней прощались в полумраке коридора. – Хорошо, что вам удалось найти хоть какие-то документы. У многих не осталось и этого. Справки о потерях командиры писали в непрерывных боях, где-нибудь в воронке, под обстрелом, или в лесу; в прямом смысле – на коленке. Погибал командир – писали за него… не помнили отчество бойца, путали год рождения, с ошибкой писали фамилию. А по 41-му и 42-му – почти нет самих документов.

С подачей запроса в военкомат города Сухиничи – на увековечивание памяти моего деда по месту его гибели – мой собственный военный поиск был завершен. Покинув здание военкомата, я снова направилась по главной городской улице в сторону мемориала – прежде чем вернуться на станцию и уехать.

Личное дело моего деда не удалось отыскать ни в архиве военкомата по месту его призыва, ни в Центральном военном архиве, ни в Центральном военно-медицинском архиве – лишь скупые неполные записи в списках потерь и то не везде. А допуска к документам иного уровня – по частям, эшелонам, войсковым операциям, местам первичных захоронений – для родственников не предусмотрено. (Мамина идея «пионеров, которые занимаются поиском» доказала свою жизнеспособность и остается в резерве).

За короткие десять-пятнадцать минут моего перехода, пока я шла вдоль мирного весеннего городка, думая о своем деде, солнечная с утра погода разом изменилась. Словно ниоткуда, набежали тучи, затянули все, начал накрапывать дождь. Перед мемориалом я стояла уже под зонтом.

Опытные поисковики говорят, что это верная примета, – когда они находят очередное захоронение, почему-то в этом месте начинает идти дождь…

Нужно дождаться решения комиссий («документы есть, проблем быть не должно»), планомерного движения по длинным и высоким этажам согласований, внесения нового имени в нужные списки, перенесения дополненных списков в обновленную Книгу Памяти («издаем не каждый год, на это нужны деньги; ждем, когда наберется материал») и на сам памятник («когда будет несколько имен»).

Тогда («года через два-три») я смогу прочесть на мраморной стене мемориала вписанное черными буквами имя моего деда.

Возможно, это что-то изменит – не только во мне.

Третье место (бронза) и звание лауреата **Хузахметова Рауза Менгалимовна** – преподавала экономические дисциплины в университете (Димитровград Ульяновской области). Пишет стихи, сказки и рассказы для детей и взрослых, занимается переводами. Победитель многих литературных конкурсов (Казахстан, Россия, Великобритания). Живёт в Казани.

Татарский язык

Он дремал во мне. Он дремал и не торопился, зная, что ещё настанет время и, просыпаясь от долгого сна, он поднимется во весь рост, заполняя и переполняя меня, выплёскиваясь свободным голосом и забирая в радостный плен и душу, и мысли – всё моё существо. И уже останется со мной, чтобы провести в огромный, удивительный, прекрасный мир, полный мягких слов и нежных песен, окружающих меня с детства – татарский язык – язык моих родителей.

Я слышала его с первых дней. Родители говорили между собой на татарском – языке своих предков. Отец впитал две культуры: родился и провёл детство в татарском селе, потом переехал с родителями в Москву, и там прошла его юность. С нами – своими детьми отец говорил на чисто русском, а мама – на татарском, а мы отвечали ей по-русски. Из своих девяноста лет семьдесят она прожила среди русских, но на русском продолжала говорить с акцентом и с удовольствием переходила на родной язык при ближайшей возможности: дома, с родными и знакомыми, которые тоже были рады поговорить по-татарски. К нам часто приезжали родственники из деревни и из Москвы, и в доме рекой текла татарская речь. Казалось, родители черпали в ней силы – так радостны были в эти минуты разговоры о простых, обыденных вещах.

Так сложилось, что я всегда жила среди русских. Училась на русском, впитала русскую культуру, пела русские песни, на русском думала, мечтала. Отец пытался приобщить нас к татарскому языку, но делал это тактично, не навязчиво, видимо, понимая, что всему своё время, что придёт черёд, и я сама захочу говорить на татарском. А пока я слышала родную речь в деревне. Татарская деревня – мир татарского языка – другой, интересный, но недолгий: один месяц, а там – до следующего лета. Но в душе и в памяти всё хорошее только накапливается: и песни девчонок в клубе, и весёлые разговоры, и голоса старых бабушек у калитки, и их молитвы. А дома меня встречал голос матери, неизменно разговаривавшей с нами на татарском языке.

Отец очень любил петь. Даже работая, он часто напевал. А в праздничные дни, когда за столом собирались гости, песни звучали обязательно. Пели татарские песни – весёлые, грустные – красивые. Брат хорошо играл на баяне, и без музыки не обходился ни один праздник. Перепев все песни, гости пускались в пляс и тоже под весёлые татарские мотивы.

Татарский язык всюду сопровождал меня. Я уехала в другой город, и в группе со мной учился татарин – замечательный молодой человек. Мы не говорили по-татарски, но молча выделяли друг друга из сверстников. После окончания института через много лет мы встретились студенческой группой и бросились с ним друг к другу, как близкие родственники после долгой разлуки. Чувство какого-то кровного родства осталось и поныне, и мы обмениваемся поздравлениями с торжественными датами и мусульманскими праздниками.

Однажды на городском фестивале музыканты из Татарстана исполнили симфоническое произведение, которое я раньше не слышала. Будто что-то перевернула во мне эта нежная и сильная татарская музыка. Вокруг сидели люди с радостными лицами, а я слушала прекрасные композиции, так и не сумев удержать слёз. Что-то неотступно просыпалось во мне – далёкое, дорогое, вечное. Я продолжала идти навстречу татарскому языку.

Дома у нас была большая библиотека, которую собирал отец, и в ней было много книг на татарском языке: проза, поэзия. Помню одну тоненькую книжку «Дуслар мәктәпкә баралар» («Друзья идут в школу»), на обложке которой были нарисованы дети... Покидая родительский дом, я взяла на память об отце томик стихов Мусы Джалиля. Отец очень восхищался им – и как поэтом, и как мужественным человеком, хотя и сам будучи краснофлотцем прошёл всю войну – сначала под Севастополем, потом под Сталинградом, в советском Заполярье… Взяла с собой и трилогию В. Яна о Чингиз хане. Я прочла её позже, так же, как и татарские мелодии – стала переписывать и слушать позже.

Татарский язык продолжал входить в мою жизнь. Сначала на телевидении появилась программа «Мусульмане», а потом отдельный канал, и Казань можно было увидеть в любое время. Однажды транслировали концерт, и мальчик запел песню. Слёзы брызнули из глаз – эта была любимая песня отца. Сколько лет я не слышала её!.. Не знаю названия, но начиналась она словами «Сарман буйларында» («На берегу реки Сарман»). Вспомнила, что на «золотой» свадьбе родителей её тоже пели, и одна гостья – русская женщина спросила: «О чём же эта песня, если даже дядя Миша (мой отец – Мингалим) заплакал?»

Мой сын, как и я, вырос среди русских. Закончив учёбу в МИФИ, он каким-то «шестым» чувством выбрал Казань, чтобы в этом городе жить и работать. В душе я благодарила Всевышнего. Конечно, сыну пришлось начинать на новом месте «с чистого листа». Да и я только через полтора года смогла переехать к нему. Но мы теперь в Татарстане – в краю, откуда были родом мои родители, где живут родные, с которыми мы не переставали общаться.

Мне повезло. Я попала в удивительный мир литературы и читаю о вчерашнем и сегодняшнем дне татарской культуры. Читаю взахлёб, стараясь наверстать упущенное. Читаю с огромным удовольствием, с каким когда-то читал журналы «Казан утлары» мой отец. С радостью хожу по улицам Казани, разглядываю старинные каменные и деревянные дома, мечети, современные строения. Смешиваюсь с праздничной толпой на улицах, рассматриваю национальные одежды, слушаю татарскую речь, охотно вступаю в разговор. И хотя мне ещё приходится переходить на русский, идеальное произношение, впитанное с молоком матери, говорит собеседникам, что я – своя, а память радостно поднимает из далёких пластов слова, которые я слышала от мамы и без которых мне уже не хочется обходиться.

Татарская речь... Какая сладостная музыка, ласкающая слух и подсказывающая, что всё вокруг

родное!.. Уходит тревога, разглаживаются морщинки, улыбается душа, и лучатся добрым светом глаза. И только лёгкая грусть остаётся на сердце – грусть оттого, что не успела поговорить на родном языке с родителями...

Я не тороплю сына. Я только стараюсь в его присутствии говорить на татарском.

Звания дипломанта **Бакланова Лилия Дмитриевна (Leela)** – москвичка, окончила РЭУ им. Плеханова, кандидат наук. Поэт, прозаик, сценарист. Неоднократный лауреат и финалист различных поэтических конкурсов, в том числе финалист премии «Поэт года» Российского союза писателей,Живёт в Москве.

Космические люди

С Олегом Дмитриевичем я познакомилась не так давно. Не так давно, потому что в масштабах космического времени и Млечного пути, в которых мы живем, всё на нашей планете сравнительно недавно. В какой-то момент нашим орбитам суждено было пересечься, и мы встретились в крохотной точке неохватной Вселенной и задержались на ней, чтобы хотя бы на мгновение прикоснуться друг к другу. На мгновение, опять же, по меркам Вселенной.

В его почтенном возрасте он выглядит слегка уставшим, но не от жизни, и по-прежнему производит впечатление исполинского древа, прочно вросшего корнями в землю, в Землю, но кроной уходящего высоко в Космос, где его прекрасный разум находит ответы и обретает искомый им

покой.

Сегодня большая дата – 88 лет со дня его рождения. Две восьмерки-бесконечности, как говорю я; четыре странных мистических кольца, как говорит он.

Поистине человек космических масштабов со смелыми идеями, высокими идеалами, просторным мышлением, огромным сердцем, посвятивший и продолжающий посвящать себя обществу, Родине и Космосу.

В 1961 году человек впервые ощутил открытый космос. С праздником подвига всех, кто имел и имеет отношение к возможности выхода человека за пределы атмосферы! Человечество молниеносной стрелой преодолело границы земной обусловленности; звезды, Луна и планеты стали еще ближе. Мечта многих стала явью. Такую же мечту лелеял в душе и Олег Дмитриевич. И однажды он скажет: «Все, на что я был способен, было безраздельно отдано небу».

Он прошел непростой путь от мальчика, в 5 лет потерявшего отца и вынужденного чистить обувь занявшим Харьков фашистам, чтобы выжить в условиях голодной войны, и топить печку книгами, которые он успевал в первый и в последний раз жадно прочитывать перед сожжением, чтобы стало тепло ему и маме. Среди этих, простите за ужасное слово, но так уж устроено, что смысл и предназначение многих вещей претерпевают искажения под стать изменяющимся обстоятельствам жизни, «дров» ему попадались книги Циолковского, Чижевского, Вернадского, безвозвратно захватившие пытливый ум жаждущего жизни человека. Именно тогда он открыл для себя великих ученых, направляющих свою мысль глубоко в просторы космоса: вот те, кто не побоялся выйти за пределы планетарного притяжения.

Дальше была школа, затем ремесленное училище, потом завод Приборостроения в Харькове, где он рос, рассчитывая только на свои силы и поддержку старших товарищей, впитывал знания, навыки работы, опыт решения трудных задач, учился примерам ответственных решений, которые постепенно становились образцом серьезного отношения к делу и к своей профессии. И уже к 30 годам он становится главным инженером, а в 40 – директором Харьковского приборостроительного завода, выпускавшего, к слову, не только продукцию оборонного значения, но и сконструировавшего первое искусственное сердце на благо жизни Человека.

А дальше – выше, дальше – Космос! Его гордость – выведенный на орбиту Земли без экипажа «Буран», запуск которого в 1988 г. он курировал, будучи уже министром Общего машиностроения СССР и, в частности, руководителем ракетно-космической отрасли страны. Это был запуск беспрецедентного космического аппарата – «Энергии-Бурана», орбитального корабля-ракетоплана многоразового использования – непревзойденного до сих пор никем по ряду показателей, опередившего свое время и показавшего, чего стоит вклад тысяч людей в единое дело. Полет был осуществлен полностью в автоматическом режиме (тогда как американский «Шаттл» мог сесть только на ручном управлении) и вошел в книгу рекордов Гиннеса. Элементы обшивки корабля, фотографии запуска, модели ракеты-носителя украшают полки его небольшого домашнего музея, и сам он очень любит рассказывать о том времени смелых подвигов народа. А главное, о мечте своей жизни...

Он вспоминает, как обессиленным голодом Великой Отечественной Войны десятилетним пацаном ему приходилось часто ночевать летом на сеновале из соображений гигиены, чтобы не заболеть туберкулезом, лекарства от которого тогда еще не было, т.к. жить его семье приходилось в лепрозории, где еще до 1937 г. работал врачом его отец: «Я спал на стоге сена во дворе под открытым небом. Поначалу было страшно: то птица закричит, то лось подойдет. Но то, что я узрел тогда, открыло во мне новые переживания! Я засыпал и просыпался лежа на спине, наблюдая за величием купола звездного неба. Я видел, как падали звезды, как что-то таинственное происходило

в космосе, я замирал от счастья и восторга. Мне больше не было боязно. Я познал все прелести видимого тогда мне космоса, и это мне запомнилось навсегда. Меня безвозвратно влек космос и я нуждался в проводнике...» Он представлял себе необъятные пространства, планеты других галактик, жизнь по другую сторону Луны... И он всегда знал о силе мысли.

Для человека, лишенного отцовского плеча и опоры, трудно переоценить роль мудрого наставника в своем становлении. Таким учителем стал для Олега Дмитриевича Сергей Александрович Афанасьев, занявший впоследствии пост первого ракетно-космического министра, а в судьбе молодого специалиста – роль того самого проводника в мир реальных и воплощаемых дерзких намерений человеческой мысли. Впоследствии Олег Дмитриевич напишет: «Что меня всегда в нем [в С.В. Афанасьеве] восхищало, так это его обстоятельный подход к любым – не только к основным, но и к второстепенным – вопросам; его безоговорочная готовность брать на себя ответственность за порученное дело, а также высочайшая работоспособность – он начинал рабочий день в 8 утра, а заканчивал его порою за полночь, забирая домой рабочие бумаги. Но и это не всё. Сергей Александрович умел слушать и никогда не скрывал искреннего интереса к собеседнику. При всей его жесткости и требовательности каждый, кто работал с ним, ощущал справедливость, душевный подъем и веру в общее дело – он умел сплотить людей вокруг единой цели. В этом проявлялось его отеческое отношение, которое я глубоко чувствовал. Он смог дать мне то, чего я, к большому сожалению, был лишен с детства, но к чему всегда стремилась моя душа. Ценности, которые он воспитал во мне – любовь к Родине, любовь к труду на благо развития государства, забота о людях – служили главными принципами в его работе. Такую высокую планку Сергей Афанасьевич установил в сознании своих коллег, соратников, руководителей. И действовать ниже этой планки мы не могли».

Вот так начался поначалу незримый путь Олега Дмитриевича, влекомый звездами и космическими ветрами. На сегодняшний момент он заканчивает уже 5-й том книги мемуаров «Космос – моя Судьба», где он рассказывает об уникальных ракетно-космических проектах нашей страны, о выдающихся представителях военно-промышленного комплекса, об ученых, космонавтах и летчиках, о руководителях правительств, отраслей, о военных и о своей судьбе, изложенной в «Записках из Матросской тишины», которые он вел в 1991-1993 гг., будучи заключенным в следственный изолятор по так называемому «делу ГКЧП».

Его не раз спрашивали, жалеет ли он о происшедшем в 90-х. «Нет», – он неизменно отвечает. К слову, он часто вспоминал родную тетю Тасю, одну из 18 детей его деда и бабушки. Она просидела в тюрьме почти двадцать лет за «неуместные слова» и была реабилитирована только в 1956 году, тогда как ее отец получил срок за наличие коровы при восемнадцати ртах. Ее слова он запомнил на всю жизнь: «Будь правдив и честен, если уверен, что прав, не сдавайся – история всех расставит по заслугам».

Но до этого времени было еще далеко. Чтобы не упасть Духом и сохранять работоспособность, трезвое сознание и бдительность, он писал каждый день, сидя на холодном стуле за холодным столом, благо, ему предоставлялась бумага и ручка. Мозг, тело должны работать постоянно, иначе беда! Осенью 1991 г. он напишет: «Тюрьма избавляет от иллюзий свободы. Тюрьма – мера свободы. […] В тюрьме время меряется днями, неделями, месяцами, годами (последнее я еще не испытал), на свободе – миллисекундами, секундами, минутами, часами, днями».

Секунды складывались в месяцы, а неизвестность и холода в болезнь за болезнью: от простуд до проблем с давлением. «Вчера скрутил гипертонический криз. Раньше его приближение я чувствовал по мере развития, постепенно. Теперь обнаруживаю новое коварное свойство – подкрадываться незаметно. Надо разобраться, нащупать симптомы, иначе не успеем принять меры. Поговорить с врачами: лекарства заканчиваются. Продержаться до суда!»

«Продержаться до суда» встречается часто на страницах его записей. У него была цель. И эта цель отнюдь не кончалась правосудием, но была устремлена дальше – на государство, на человечество, ему некогда было хандрить и жалеть сил. Ведь удивительно, но в его ситуации он писал письма не только домой (кстати их долгое время не передавали и связь между ним и семьей была односторонней, когда только домашние знали, как чувствует себя их сын, муж, отец и дедушка; Олег Дмитриевич же вестей из дома не получал, что усиливало тревогу за близких). Из письма жене Лилии Федоровне: «Любимая, дорогая Лиля! Целую бесконечное число раз, главное, стань на ноги устойчиво, не торопись – все будет хорошо; поедем в Коробов Хутор на наше тайное место, на лодке – ты знаешь и помнишь! Береги всю семью, не придавливай их, они уже взрослые. Привет всем».

Он не переставал писать письмо за письмом, а параллельно – обращения к руководителям министерств, правительства и к президенту. Однако отнюдь не по вопросам досрочного освобождения, нет, он не спешил опередить жизнь; но по внутреннему велению своего гражданского и профессионального долга, когда он знал, что мог вовремя сориентировать руководство страны в решении проблем, которые были ему хорошо известны. Из обращения к Президенту РСФСР Ельцину Б.Н. 18 ноября 1991 г.: «Уважаемый Борис Николаевич! В связи с решающей ролью РСФСР в вопросах ракетно-ядерных проблем, с учетом новых условий в межреспубликанских отношениях, а также имея в виду, что последние разоруженческие инициативы Центра не учитывают возможные негативные последствия для обороны страны, считаю возможным просить Вас заслушать доклады ученых, владеющих этими проблемами, – академиков Харитона Ю.Б., Уткина В.Ф., Мозжорина Ю.А. и других...» Кутая кисть с ручкой в манжет своей любимой шерстяной кофты, которая кстати и сейчас висит в его гардеробе, он думал обо всем и обо всех сразу.

В один из сентябрьских дней он получил известие о том, что он в числе других членов ГКЧП отлучен Патриархом Московским и всея Руси Алексием II от церкви, и это его потрясло: «Какая несправедливость! Меня крестила моя бабушка и совсем другие люди, они уже у Бога в какой-либо форме. Не Ридигеру решать вопрос о моей вере в Бога, в космос, во все, что меня окружает и чему я принадлежу». Разделить свои переживания не с кем. Слава Богу, есть собеседница бумага, а значит, жизнь продолжается, останавливаться нельзя. Через 20 лет он напишет в своей книге словами Константина Циолковского: «…Отсюда вывод: Бог (космос) не заключает в себе мучений и несовершенства, а добр к самому себе, а стало быть и к нам – его частям. Поистине его (космос) можно назвать отцом и он подходит к нашему определению Бога. Такой Бог действительно существует, так как нельзя же отрицать бытие вселенной, ее владычество, доброту и совершенство. […] Доказанная мною далее благосклонность первопричины выражает ее любовь ко Вселенной. Идея о взаимной солидарности существ то же есть любовь. Наконец, идея о личном, совершенном, вечном, добром и всемогущем существе, которое вмешивается в жизнь Вселенной, проявляет свой суд, свое благо – есть тоже любовь».

Он ждал первого свидания. Когда оно, наконец, состоялось спустя три месяца изоляции, стало ясно, что ждать следующего будет еще невыносимей. Это как рана – начинает заживать, а потом ее бередят, и снова дикая боль, удар по нервам на грани возможного. С сыном Димой они были оба взволнованы, но держались изо всех сил. Разговор по мелочам, чтобы как-то уйти от захлестывающих через край чувств. Трудно удается, но мелочи всегда отвлекают от главного, что в данном случае помогало. Вести такие: жена в больнице с инфарктом, мама в порядке, одиннадцатилетняя внучка сильно за это время повзрослела. Что же, сын и невестка Светлана – опора и для дома, и для него в его положении…

Дальнейшие события громкого «дела ГКЧП» в течение последующих лет я опущу. В 1994 году дело об «измене Родине» было закрыто, ранее обвиняемые были амнистированы и восстановлены в правах. Спустя два года Олег Дмитриевич вернулся домой.

Надо ли говорить о том, что практически сразу он приступил к рабочей деятельности, как обычно пренебрегая отдыхом и отпуском, предаваться которым он позволял себе за свою жизнь крайне редко, чем часто была недовольна его супруга, но, как мудрая женщина, она всё понимала. К тому времени он не потерял ни уважения к себе, ни друзей, ни товарищей, и к полученному опыту преодоления непредсказуемых жизненных тягот приобрел не меньше единомышленников и опоры в самом себе. Он продолжил трудиться, оставаясь в родной и дорогой для сердца сфере приложения труда – в сфере текущих и перспективных космических разработок, а также продолжая укреплять отношения между людьми единого народа – между Россией и Украиной, потому что его Родиной всегда был Советский Союз.

Сегодня мы вместе! Рядом! Дома! В окружении семьи и с любовью друг к другу. Люблю, ценю, уважаю, горжусь, благодарю за всё! Этот человек – Олег Дмитриевич – мой дедушка. И сегодня ему 88. Желаю тебе, дорогой дедуля, 100 лет активной жизни и еще 80 «на выбеге» – его любимая фраза, сколько я его знаю. А знаю я его половину человеческой жизни и всего мгновение по меркам Космоса.

Он говорит: «Все определяется точкой зрения, позицией. У мудреца спросили, что такое вечность, он ответил примерно так: “Я не знаю, что такое вечность, но миг вечности я представляю себе так: если бы на земном шаре был поставлен алмазный кристалл высотой до Луны и на вершину этого алмаза по утрам прилетала бы птичка, каждый день чистила свой клювик о вершину этого кристалла, вот когда бы алмаз полностью стерся от этого, это и был бы миг вечности”. Видимо, сколько мигов, столько и точек зрения, позиций в человеческом обществе. Все они имеют право на жизнь».

Строками дедушкиного стихотворения «Космос – моя судьба» я заканчиваю рассказ об одном из космических людей, с которым мне посчастливилось однажды встретиться. И я по праву могу назвать себя счастливым человеком.

Друзья мои! Случается ли вам
Понаблюдать:
Во плотной, вязкой, черной массе «пустоты́»
Сверканье ярких солнц!?
Свечение таинственных космических туманов!?

Послушать:
Звон колоколов пространств безбрежных!?
Хоралы гимнов вечной тишины!?

Почувствовать!,
Приблизиться!!,
Узреть!!!:
Творцов святых чертоги!?

Что наша жизнь?!
Она мгновенна,
Бесконечна и прекрасна!!!

Что наши пяльцы?!

Мы мириадов ярких солнц
Протуберанцы!

PS. После семейного застолья сегодня он ложится спать пораньше, ведь завтра на работу. И так каждый будний день.

Звание дипломанта – **Гошев Сергей Аркадьевич** – родился в городе Котлас и в детстве мечтал ходить под парусом. В итоге, связал жизнь с армией. Закончил два военных училища. Уйдя в отставку, работал учителем в школе. Занимается патриотическим и духовно-нравственным воспитанием молодёжи, выступает в школах и библиотеках от Советска до Камчатки. Известен как детский писатель. Член Союза писателей России. Проживает в городе Советске Калининградской области.

Тихая охота

Давно не был на своей малой родине. И вот посчастливилось приехать. В центре города всё меняется, а здесь, на окраине, где рукава Северной Двины обнимают район со всех сторон, жизнь замирает и течёт так же размеренно, как и сама река. Я вышел на конечной остановке, пустой автобус развернулся и отправился назад к вокзалу, где его ждали новые пассажиры.

– Ну что, Серёжа, стоишь, дядьку не узнал, что ли? – Обернулся на голос и попал в крепкие объятия дяди Якова. – Пошли, я с утра баньку истопил, а Ирина в печи твою любимую грибовницу сварила, рыбник испекла.

Позже, разморившись от бани и еды, сидел за столом и нахваливал русскую печь за особый аромат приготовленных блюд и хозяйку, так умело управляющуюся с ней. Кроме грибовницы и рыбника, на столе в тарелочке были хрустящие грузди, отваренная в мундире картошка (она мелкая на севере, оттого её и не чистят, а только хорошо моют и варят), капуста, квашенная с морошкой. Вот они разносолы севера! Дядьку тоже разморило, и он пустился в философские рассуждения.

– Лето короткое. За это время надо и посеять, и собрать, и заготовить всё необходимое на зиму. Тут сидеть на лавке и чесать языком некогда. Наступят холода, что будешь есть – лапу сосать? Зимы суровые и длинные. Вот тогда-то в тепле и уюте, пожалуйста… А хочешь с нами завтра за грибами пойти? – дядя Яков уже сменил тему разговора. – Мы с Ирининым старшим братом договорились завтра в пять утра возле парома встретиться. Но если ты устал с дороги, то можешь отдыхать и спать спокойно.

– Нет-нет, дядя Яков, я с вами.

Готовиться к завтрашнему походу за грибами мы стали с вечера. Из чулана достали резиновые сапоги, брезентовый плащ с капюшоном и большой рюкзак, очень похожий на армейский термос (чтобы грибы или ягоды не мялись, их складывали в такие алюминиевые ёмкости, обшитые материей). Тётя Ира достала шерстяные носки. Всё это меня заставили одеть. Укомплектованный как на зимовку в тайгу, стоял по центру большой комнаты, а меня осматривали в четыре глаза со всех сторон. Я покрутился, по команде поприседал, походил и услышал от дяди слова одобрения.

– Всё, готов! По звонку будильника встаём и, не мешкая, одеваемся, а то паром нас ждать не будет.

Утро только начинало сереть, а мы уже стояли на мокром песчаном берегу реки. За спиной – контейнер, а в руке – корзина. К нам подошёл с рюкзаком-контейнером (побольше наших) и с двумя корзинами сухощавый энергичный пожилой мужчина и протянул мне жилистую мозолистую руку, оригинально представившись:

– Лучший фронтовой друг твоего отца и по совместительству старший брат Ирины – Степан Анатольевич.

Народ всё подходил и подходил. У всех были не только рюкзаки за плечами, но и корзины в руках. Люди здоровались и выстраивались позади нас, образуя широкую очередь. Интересовались у дяди Якова, кто у них гостит. Я никого из них не знал, а точнее, не помнил. Новость о моём приезде стремительно расходилась. Вскоре боковым зрением увидел, что сотни глаз рассматривают меня, обсуждая услышанную новость. Давно нет моих дедушки и бабушки, да и родителей уже похоронил, а народ помнит всю мою родню.

Неожиданно забрякала цепь. Очередь ожила и уплотнилась. Застрекотала металлическая лебёдка, и тяжёлые паромные сходни опустились на берег. Колонна быстро зашла на широкий бак парома и равномерно распределилась вдоль бортов, где были откидные лавки. Рассвет пронзил громкий гудок. Паром вздрогнул, оторвался от грунта, закачался и медленно пошёл навстречу первым лучам

солнца, которые отражались в набегающей на корму волне.

Я заворожённо смотрел, как тает туман, вырисовываются берега реки, встаёт солнце. Его лучи несут тепло, рождается новый день…

– Серёжа, ты не куришь? – вернул меня в действительность голос Степана Анатольевича.

– Нет, и даже не начинал.

– Молодец! А я с войны столько раз хотел бросить, не получается. Вот твой батя тоже никогда не курил. И на «лёжке» ему из-за этого намного легче было.

– Про какую лёжку вы говорите, Дядя Степан?

– Как про какую? Про ту самую, снайперскую. Тебе Аркадий что про войну ничего не рассказывал?

– Почти ничего. Я его спрашивал, но он или уходил от разговора, или молчал, а глаза сначала краснели, а потом наполнялись слезами. Но помню, как в детстве гордился им, когда он стрелял в тире. Равных ему не было.

– Серёжа, Яков! Пойдёмте на нос, к сходням. Там людей нет, я курну, дым никому не будет мешать. Там и поговорим.

Мы разместились на самом ветру.

– Плыть нам ещё минут сорок против течения, а потом выйдем на большую воду. Это будет сама Северная Двина, – объяснял мне дядя Степан. – Увидишь на противоположном берегу большой лес и пристань, туда мы и причалим.

Перед нами открылся великолепный вид. Набегающая волна разрезалась на два больших уса, и они, заворачиваясь, уходили к берегам.

– В тире, говоришь?! – спросил Степан Анатольевич и посмотрел на меня.

– Да. Раз в месяц меня с отцом отправляли в парикмахерскую, – продолжил я прерванный разговор. – Дорога шла через небольшой местный базарчик. На нём всегда шла бойкая торговля и суетилось много народу. Но главной достопримечательностью там для нас, мальчишек, был тир. По утрам возле него останавливалась грузовая машина и отцепляла жёлтую бочку на колёсах. На боку бочки большими буквами было написано «ПИВО». Увидев, что бочку уже привезли, со всех сторон к ней подтягивался шумный народ с бидончиками или просто с трёхлитровыми банками в авоськах. Наш путь шёл мимо тира и бочки с пивом. Задолго до тира я начинал конючить: «Пап, ну купи хоть две пульки. Стрельнуть хочу». И мои просьбы, подкреплённые волшебным словом «пожалуйста», вознаграждались пятнадцатью копейками. А на них можно было купить целых пять пулек. Отец помогал зарядить воздушку, придерживая её коленкой, чтобы я не завалился назад. Ведь я тогда был меньше самой винтовки. Все пять пулек, конечно, улетали мимо. Но одно уже то, что был в тире и сам стрелял, доставляло необыкновенную радость. Это чувство гордости и мужской уверенности в себе трудно передать словами. Просил ещё пулек у папы. Он, смеясь, отвечал: «Ты же, сын, всё в «молоко» отправил, а патроны надо экономить». «А ты сам покажи, как надо стрелять, пожалуйста!» – просил я. И отец сдавался, доставал ещё пятнадцать копеек, в металлическую банку из-под гуталина ему отсчитывали пять пулек. Он быстро заряжал винтовку и по ходу рассказывал мне, как надо правильно целиться. Все пять пулек ложились в цель. Фигурки вертелись, падали и переворачивались одна за другой. «Класс! – громко восхищался. – А ещё

сможешь попасть?» – входил я в азарт. «Конечно, – смеялся отец. – Но тогда мы с тобой вернёмся домой нестрижеными». И вот откуда-то сзади раздавался голос: «Посоревнуемся? На все!» И в нашей пустой банке появлялся бумажный рубль. Верчу головой, оглядывая собравшихся у тира мужиков. Один – на костылях, у другого вместо кисти – протез в чёрной перчатке. У многих на поношенных пиджаках – орденские планки. Все о чём-то громко говорят, вытаскивая мелочь из своих карманов. «Сынок, теперь ты меня подожди. Дело чести», – негромко говорит мне отец. Вокруг тишина, никто больше не стреляет, только он. Мишени вращаются одна за другой, а я стою, сжав свои маленькие кулачки, и шепчу: «Папа, попади!» Вскоре все фигурки поражены, даже кукушка прокуковала, когда в окошко её домика влетела пулька. Осталось самое сложное – немецкий самолёт, на носу которого был прикреплён капсюль от охотничьего патрона. Самолет фиксировался на тросике. Нужно было попасть в красный копеечный кружочек-скобу над самолётом. Скоба выскакивала и освобождала движение самолёту. Он по наклонной спускался вниз вдоль всех мишеней, капсюлем ударялся о металлическую шайбу внизу и взрывался. Даже дым был настоящий. Папа стал целиться, предварительно вдохнув и затаив дыхание. Все замерли. Была такая тишина, как будто что-то важное должно произойти. Выстрел, самолёт вздрогнул, отцепился от скобы и, набирая скорость, стал скользить вниз по натянутой струне. Потом взрыв, дым, и все дружно кричали: «Ура! Знай наших! Молодец, Аркадий!» Я тогда не понимал, почему после тира папу всегда бесплатно угощали пивом, но походы в парикмахерскую через парк мне на всю жизнь врезались в память.

– Кхе-кхе… – закашлялся дядя Степан.

– Степан Анатольевич, может вас тут продувает?

– Да нет, Серёжа. Это у меня с дымом табак не в то горло залетел, – он ещё немного покашлял и с усмешкой спросил. – Так и не знаешь, кто рубль подкладывал?

Я подтвердил, что не знаю, как он появлялся в банке для пулек, и не видел, кто его туда клал.

– Тогда слушай, сынок, меня! – Степан Анатольевич прищурил глаза, сделал несколько быстрых затяжек и оставшийся небольшой «чинар» от сигареты бросил за борт. – Это были мои рублики, я всегда стоял у вас за спиной. А примечал тебя с отцом ещё издали… – он помолчал, о чём-то вспоминая. – Я тогда по субботам на рынке продавал свои самоделки: спицы, крючки. Место моё было у самого края, оттуда просматривались все подступы к рынку. Завидев вас, сворачивал свой субботний бизнес и шёл к тиру, чтобы заранее раззадорить мужиков. «Да кто так стреляет, мазилы? Да что с вами соревноваться, вас любой обставит,– возмущался я. – Вон, видите, идёт сюда один с пацаном? Ставлю на него по полтиннику с каждого, что вот с этого рубля ни одна пуля не уйдёт мимо!» А там дело техники. Отец твой меня никогда не подводил, да он и не знал о споре. Я потом всех этих мужиков за их же деньги пивом угощал. Ну и сами, конечно, с твоим батей по кружечке опрокидывали за Победу, естественно.

Степан Анатольевич замолчал, казалось, он сейчас там, в далёком послевоенном времени. Его взгляд был устремлён в речную даль, где уже показался край тёмного леса. Паром, ритмично постукивая двигателем, подал звуковой сигнал, предупредив всех на большой воде о себе. Мы входили в русло Северной Двины. Двигатель заработал быстрее. Набегающая волна, заворачиваясь и пенясь, подхваченная порывом встречного ветра иногда обдавала нас брызгами.

Но ни я, ни дядя Яков, ни дядя Степан уходить отсюда к скамейкам не собирались. Мы стояли, обдуваемые ветром, и молчали, каждый думал о своём. Я, например, представлял себя капитаном, стоящим на мостике в шторм…

– Мы, Серёжа, с твоим отцом поступили в речное училище до войны, –вернул меня в реальность

голос Степана Анатольевича. – Мечтали ходить по Северной Двине на пароходах, как и наши отцы. Но жизнь внесла свои коррективы. Вовсю шла война, немцы были под Москвой, ожесточённые бои шли на Кавказе, на Волге. По окончании училища нас направили на ускоренные курсы снайперов. С первого дня в снайперской школе мы учились работать в паре, общаясь только жестами, знаками, движениями, чтобы понимать друг друга без слов. У Аркадия был математический склад ума, он точно определял расстояние, скорость ветра, скорость движения цели и, самое главное, в уме быстро производил все расчёты на поправки. Я удивлялся его умению. На экзаменах по стрельбе он показал великолепные результаты. После получения боевого опыта его планировали вернуть в школу уже как преподавателя. Мы сразу попали в пекло – в Сталинград… – дядя Степан опять замолчал. Потом встряхнул головой, как бы очнувшись от видений прошлого, и продолжил. – Работали вместе: поочерёдно выполняли функции наблюдателя и истребителя. У твоего отца было какое-то адское терпение, мог часами лежать, не выдавая себя. А я за своё нетерпение получил ранение в мягкое место и после этого стал у него наблюдателем. У нас был свой сектор обстрела, через который немцы не могли прошмыгнуть, не получив от нас свинцовый гостинец. По ночам мы меняли свои лёжки, приближая их так близко к вражеским окопам, что в тишине слышали немецкую речь. Соприкосновение сторон было плотным и кровопролитным. Мы несли тоже большие потери. Очень нашим пехотинцам доставалось от замаскированных пулемётных точек врага. И тогда ребята придумали такую хитрость. Принесли пустую бочку, наполнили её металлическим хламом и ночью втащили на пригорок. Нас об этом предупредили, мы ждали рассвета, спрятавшись под самым носом у противника. С первой утренней зорькой бойцы пустили с пригорка эту бочку в сторону немцев. Подпрыгивая, она катилась и гремела, приближаясь к ним. С вражеской стороны стали высовываться любопытные головы, которые не остались незамеченными с наших лёжек. Мы сделали с десяток метких выстрелов, уничтожили пулемётное гнездо, которое сильно донимало нашу пехоту, и одного офицера. Так нам потом сообщили с НП. Наша тихая охота в тот раз была очень шумной. Конечно, и свои лёжки мы раскрыли. По нам тут же ударил противник. Мины истерически жужжали над головой, разбрызгивая свой смертоносный металл. Тупая боль охватила всё тело, и я на какое-то время потерял сознание. Очнулся, открыл глаза. Стеной вокруг стояла земляная пыль, перемешанная с гарью. Рядом слышался стон и удары, как по боксёрской груше, перемешанные с немецкой бранью. Перевернулся на живот и увидел в дюжине шагов корчащегося от боли Аркадия. Лицо его было в крови. Он лежал на спине, поджав к животу ноги, и прикрывал лицо руками. А два немца в чёрной эсесовской форме с двух сторон пинали его голову. Снова зажужжали мины. Немцы бросили Аркадия и спрятались в ближайшей воронке. Я встал, даже не ощущая страха смерти, и шатающейся походкой подошёл к твоему отцу. Осколки свистели, разбивая под ногами камень. Один из них распорол мне поперёк телогрейку, и из неё вылезла белая вата. Взвалил полуживого Аркадия на спину и, спотыкаясь, понёс в сторону наших. Шёл, ничего не видя, ничего не понимая, пока не свалился в окоп вместе с ношей и снова потерял сознание. Очнулся, меня ощупывали бойцы и не могли понять, куда я ранен. Еле шевеля губами, прошептал: «Аркадий жив?» «Жив! Его уже перевязали и унесли санитары. А вот что с тобой?» – бойцы указали на лежащую рядом мою окровавленную телогрейку. «А, так это его кровь! А у меня всё нормально, только вот не слышу ничего правым ухом и в голове сплошной гул стоит». Шум у меня со временем прошёл, а на правое ухо я оглох. Отец твой долго в госпитале лечился, а меня с передовой отправили на армейские склады работать.

Раздался гудок. Это было так неожиданно, что я вздрогнул. Паром развернулся и тихим ходом пошёл к берегу. Опять затрещала лебёдка, и по опустившимся сходням мы сошли на берег. Перед нами стоял во всём своём зелёно-игольчатом величии сосновый лес. Курчавые головы длинноствольных деревьев там, в вышине, гнулись и скрипели от ветра. Будто гигантские стражники с поклоном приглашали нас пройти вглубь и насладиться дарами природы.

– Чего раззевался, Серёжа, леса что ли не видел? Бери свою корзинку и айда за нами! Паром вечером уйдёт точно по расписанию! Или ты заночевать здесь желаешь?

– Нет, Яков Николаевич! Я иду… – и поспешил за ними по тропинке, уходящей в лес.

Не шёл, а будто бежал лёгким бегом за этими пожилыми людьми и думал. Какими же крепкими и выносливыми они были в свои двадцать лет, если и сейчас я еле поспеваю за ними. Бесконечный лес представлялся мне морем, которому нет конца. Поднял голову. Казалось, что невидимый хозяин накрыл нас своей огромной зелёной шапкой. Гулко постукивал дятел. Весёлая трель птиц гуляла среди вершин. Я, небольшой специалист сбора грибов, ради любопытства стал вглядываться в мшистые полянки между деревьями и обнаружил много «добрых» грибов. Быстренько срезал их и с трудом догнал своих напарников.

Услышав тяжёлое дыхание и увидев моё раскрасневшееся лицо, дядя Яков остановился, а Степан Анатольевич закурил и вынул из моей корзины красивый белый гриб. Покрутил его за ножку и положил обратно.

– Хороший гриб нашёл, молодец, – похвалил меня дядя Степан. – Но… корзины мы наберём по дороге назад, а сначала надо заполнить контейнеры, которые за спиной. Вперёд! На наше место!

Разговаривая, двинулись дальше. Вскоре лес стал редеть, открывая большие солнечные поляны. Мы остановились. Передо мной открылась картинка из детской книжки: грибы стояли повсюду шеренгами, как нарисованные. Глаза отказывались верить увиденному. Я вспомнил сказки Роу, у меня самым настоящим образом закружилась голова.

– Серёжа! – донеслись до меня слова. – Очнись! Первый раз видишь такое чудо?

Потряс головой, улыбнулся:

– Ну, дела! Я думал, у меня галлюцинации от чистого лесного воздуха!

– Не боись! Всё реально. Давайте поторопимся, нам ещё назад идти, – сказал Степан Анатольевич.

Мы сняли рюкзаки-контейнеры, разошлись по полянке и начали «косить» грибы. Коричневые боровики на белых ножках были повсюду. Я выискивал пустое место, чтобы поставить ногу и не раздавить очередной гриб. Да и размера они были немаленького: высота сантиметров пятнадцать, а диаметр шапочки сантиметров десять. Собирать такую красоту – одно удовольствие. Контейнеры наполнили и, забросив их за спины, двинулись назад. Шли, разговаривали, не торопясь собирали грибы в корзинки.

– Ну, как чувствуешь себя, Серёжа? Понравилась сказка наяву? – пошутил дядя Яков.

– Действительно сказка! Расскажу – не поверят! – восхищался я.

К парому подходили грибники, усталые, но довольные. Все были загружены, в воздухе витал дурманящий грибной запах.

На ужин тётя Ира приготовила нам шаньги с грибами и кёж, горячий ягодно-травяной кисель. Это была еда моего детства! Рыба, грибы и ягоды – блюда из этих продуктов всегда на столе моих земляков.

Мы принесли много грибов, я поинтересовался, где их будут сушить. На что получил неожиданный ответ:

– А сушить мы их не будем. Внукам нам помогать как-то надо? Надо! Вот завтра на

железнодорожном вокзале заберут наши грибы перекупщики и повезут их в Москву на рынки и в рестораны, – дядя Яков помолчал, а потом улыбнулся. – Ну, племянничек, понравилась тебе тихая охота на родине?

– Всё замечательно! Спасибо вам, что взяли меня с собой. Сегодня я много узнал про настоящую тихую охоту.

Звание дипломанта **Кожевников Владимир Алексеевич –** родился в 1958 году в деревне Русское Тимкино Кировской области.

После окончания школы, института и слыжбы в армии работал в колхозе экономистом-организатором. В настоящее время заведующий АУ «Уржумский музейно-выставочный центр» в селе Лопьял. Живёт в селе Лопьял Уржумского района Кировской области.

**) В селе Лопьял родился и был крещён Виктор Михайлович Васнецов.*

Нерушимая стена

Бессмертный полк. Киров

Парад закончился. На Театральной площади копятся люди. Незаметно, исподволь, но неостановимо, как весенние воды перед половодьем. Стоят семьями, разговаривают, ходят, держат цветы, ещё и портреты не подняты. Ждут начала движения, спокойны, но заряжены энергией, как перед началом крестного хода. Сотни людей. Это потом, когда Бессмертный полк идёт, видно с возвышенных мест тротуара, что это широкая река, у которой не видно конца и начала – тысячи людей.

Перед зданием Вятского государственного университета парад ретротехники – легковой, грузовой, пожарной. Вокруг плотная стена зрителей. Хозяин одной из машин в открытом кузовке включил военные песни. Первая из них «Эх, путь-дорожка фронтовая». И сам в гимнастёрке, улыбаясь, стоит рядом. Самые заинтересованные зрители – дети. Облепили мотоцикл с коляской, сидят на нём, рулят попеременке, родители фотографируют. На коляске надпись: «На Берлин». Всем в России понятно, что эта надпись не агрессивная.

Рядом с театром сцена. Стихи, музыка. Из динамиков льётся искренний голос Зары – «Здесь птицы не поют…». В чём величие страны? – Написал грузин. Поёт армянка. Песня – русская. У молодой женщины с портретом юного офицера у груди катится по щеке безмолвная слезинка, вдруг чистой искрой вспыхивает в луче выглянувшего солнца.

Мы ждали друг друга и пошли в конце. Маша успела сделать репортаж на сайт своего радио. Потом оказалось, что мы примерно в середине потока – люди всё присоединялись.

Плотина открыта. Бессмертный полк идёт.

Никто не гонит никого сюда, не заобязывает.

Кто-то невидимые в глубине колонны, рядом с которыми звенят голоса их женщин, то сзади, то спереди сильными молодыми голосами, создавая единение и чувство силы, кричат: Да здравствует наша Победа! Слава Российской армии! Да здравствует народ-победитель! Слава фронтовикам! – и после каждого возгласа рождается, разрастается и уходит гулким эхом вперёд и назад весёлое, торжествующее: «Ура!» А где-то далеко, особенно хорошо слышно начало колонны, рождается свое «Ура!» И мягко, раскатисто гудит, как молодой майский гром, пробующий свою силу.

Женщины заводят песни – «Катюшу», «На солнечной полянчке». Мужчины подхватывают. Песни, как и ура, рождаясь в одном месте, разрастаются вперёд и назад.

Поколение победителей плывёт над головами потомков. Каждый портрет – как светлая хоругвь. Вместе – нерушимая стена.

Совершенно разные люди на портретах. Пожилой седой человек с рядами наград на груди; лихой усач в буденовке; весёлый, радостный деревенский мужичок, глядит доброжелательно из-под мятой шапки; юный паренёк, почти школьник; такая же молоденькая медсестра в пилотке, девчоночка… Лица нашего народа. Нерушимая стена.

Спасшие нас, два моих деда Кожевников Иван Александрович и Стяжкин Иван Перфилович и дядя Кожевников Михаил Иванович, который погиб девятнадцати лет, пусть так, ненадолго, но снова вернулись в этот светлый мир. Под ними, в ногах, семенит их весёлый праправнук и такие же маленькие его двоюродные братишка и сестрёнка.

Чем ближе к памятнику, тем чаще и длительнее остановки. Никто не торопится и не уходит из строя, хотя уйти можно. Все ждут, чтобы положить свои гвоздички к Вечному огню или просто поклониться, пусть даже в душе, но из души.

Звание дипломанта Попов Артём Васильевич – родился и вырос в Северодвинске. Окончил филологический факультет Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова. По итогам 2-го Всероссийского совещания молодых литераторов СПР рекомендован для вступления в СПР. Живёт в городе Северодвинск Архангельской области.

Терпеливица

Я последний из родных видел бабушку Дусю живой. Накануне её положили в городскую больницу, и я после работы пришёл на свидание. Медсестра показала на двухместную палату рядом с постом. Открыл дверь и не узнал, где же моя бабушка: похудела за два дня – одна кожа осталась, нос вздёрнулся. Она дышала тяжело, тонкое больничное одеяло часто поднималось на груди.

– Бабушка! Как ты? – расстроился и не знал, что спросить.

– Иди, иди домой! – стала торопить меня.

Каждое слово ей давалось с трудом.

Как такое может быть? Ещё вчера в больницу пришла на своих ногах, а сейчас… Попытался уговорить её съесть хоть один из принесённой грозди бананов. Не удалось, оставил на тумбочке.

После свидания увидел заместителя главного врача, с которым был знаком, попросил приглядеть за бабушкой.

– Хорошо-хорошо! Завтра на пятиминутке обязательно спрошу у завотделением, – успокоила меня.

Вечером я долго с кем-то занимал пустой болтовнёй домашний телефон – мобильных тогда ещё не было. А в это время из больницы звонила дежурная медсестра, хотела сообщить, что бабушка умирала. Мы могли попрощаться, подержать за руку, сказать самые последние слова...

Не будет мне прощения!

Никогда теперь долго по телефону не говорю.

На следующий день с утра позвонил в редакцию брат – я тогда работал корреспондентом городской

газеты. Он и сообщил о бабушке.

Я положил трубку и почему-то продолжил писать: мозг отказывался думать об этом известии. До сих пор помню, о чём была заметка – о бесплатных школьных учебниках.

Машинально дописал, отнёс редактору.

– Что с тобой? Случилось что?

Я ничего не ответил, Не помню, как вышел на улицу.

Коллега нашла меня на детской площадке недалеко от редакции, с красными от слёз глазами. Рядом радостно галдели малыши, жизнь продолжалась, но уже без одного моего любимого человека.

На прощании я снова не узнал бабушку: чужая старушка лежала в гробу. Этим и утешаю себя: моя бабушка не умерла, она просто куда-то уехала – может, в родную деревню.

Евдокия, Дуся, родилась в деревушке Липовец, затерявшейся на границе Вологодской и Кировской областей. Почему-то мне нравится легенда о том, что деревушку эту основали поляки, скрывавшиеся после Смуты в дебрях непроходимых лесов. И девичья фамилия бабушки заканчивалась на «-ская». Чем не польское окончание?

Эта деревня и в XX веке отличалась: в 1930-е годы здесь уже было электричество благодаря своему движку. Умелые и работящие крестьяне жили в Липовце: у каждого во дворе лошади и по две коровы. Тем хуже оказалось для них – раскулачили большинство… Это был первый удар по деревне.

А потом грянула война. Бабушка встретила её совсем молоденькой, её вместе с такими же юными девушками отправили на Карельский фронт рыть окопы. Как ни расспрашивал я потом, не рассказывала подробностей. Но здоровье тогда подорвала: девчонка – и уже труженик тыла. Она никогда ничего не просила, тем более не требовала, никаких льгот, наград.

Война закончилась, Евдокия вышла замуж за чернявого рослого Капитона, и дали молодые всем своим народившимся друг за другом «робятам» имена на букву «В»: Виталий, Вениамин, Василий. Недолго длилось счастье: муж ушёл к другой, городской, оставив малышей. Помогла их поставить на ноги свекровь, святой человек. Четвертый сын Евдокии родился от другого мужа, а любимой букве «В» она не изменила – Валентином назвала.

С утра до ночи работала на ферме или в полях, назначили её за ответственность бригадиром.

Второй удар по деревне нанесло укрупнение колхозов. Из Липовца стали уезжать в большие сёла, а то и дальше – в молодые перспективные города. Тяжёл труд на земле – никто не осудит крестьян за желание лучшей доли хотя бы для детей. Обезлюдела деревня, осталось зарастать кладбище, оказались заброшены могилы предков.

Но в городе бабушку снова ждал тяжёлый физический труд – труд дворника, до асфальта убирала снег зимой. Так тогда требовали.

Лицо бабушки как сейчас перед глазами: открытое, доброе, светлое. А я снова возвращаюсь в тот страшный день. Не мог не узнать причину смерти. Из редакции отпустили домой, и я направился в больницу. Второй этаж, та самая палата, но уже пустая кровать без матраса, а на тумбочке – мои ярко жёлтые бананы, к которым бабушка не притронулась... Постучался к заведующему отделением.

– А вы не знали, что у родственницы рак крови? – врач пронзила меня этим словом. – Последняя стадия.

Нет, бабушка, конечно, говорила, что кровь плохая, постоянно пила таблетки, медсёстры приходили к ней на дом делать уколы. Но чтобы рак…

Неужели снова ворвалась в семью болезнь с коротким названием, после которой жизнь ещё короче? Ведь бабушка Саня тоже сгорела от рака…

Ребёнком я старался слушаться бабушку.

– Пошто напокась делаешь? – тихо говорила она.

«Напокась» – значит во вред. И мне уже не хотелось баловаться.

Она никогда не повышала голос. А мы… Были иногда жестокими.

Советские люди помнят, что такое дефицит. Нельзя было прийти в магазин и купить, например, кухонный гарнитур или в гостиную «стенку». Разве что простенький табурет или стол постоянно пылились в магазине. За другим приходилось стоять в очереди месяцами, если не годами.

Поскольку бабушка жила рядом с мебельным магазином, ей поручили «доставать» «стенки». Сколько так она ходила времени, в любую непогоду «отмечаться» к магазину, неизвестно. Но пресловутую «стенку» в гостиную купить мы так и не смогли: то ли её сняли с производства, то ли ещё по какой причине... Мы были обижены и не разговаривали с бабушкой из-за этой дурацкой мебели. Бабушка всё равно приходила к нам в гости, а мы молчали... Господи, как стыдно!

Ещё хуже поступала одна из невесток: когда пил муж, она в сердцах кричала бабушке: «Забирай своего сыночка!». Та смолчала, как всегда. Перетерпеть, всю боль сдержать в себе, не показать, как тяжко на душе. Хоть и не кончала бабушка институтов, а воспитание лучше, чем у многих интеллигентов.

Когда папа вдруг задерживался на работе, бабушка нервничала: она не могла усидеть в квартире, спускалась на улицу и ходила туда-обратно по траве. Может, земля придавала ей силу. Почему-то думала на плохое. И я такой: чуть кто задерживается – рисую в голове картины одна страшнее другой.

Бабушка всегда помогала тем внукам, кому поддержка была в тот момент нужнее.

– Вот наши-то робята сегодня… – хвасталась у нас в гостях.

– А мы что, не наши? – обижались. И она снова молчала.

Потом соседка рассказывала мне, как бабушка звала к себе в гости и включала на всю громкость на кухне радио: я тогда работал ведущим городского радио. Гордо говорила: «Это мой внук выступает!». А я-то дурак…

С годами бабушка не могла уже часто приходить к нам в гости. Садилась на автобус и долго объезжала кругом район, чтобы не идти пешком. Трость ей уже не помогала, сил оставалось всё меньше. Тогда ей поставили домашний телефон, и она звонила каждый вечер в одно и то же время – когда папа приходил с работы – чтобы спросить, как дела.

– Всё хорошо, мама! Не нужно ли чего купить?

Ей важно было услышать, что у детей и внуков «всё хорошо».

Я приходил в гости – жалею, что редко. Бабушка всегда угощала супом со «звёздочками». Пока ел, она смотрела в окно: с автобусной остановки людские ручейки текли на работу или возвращались домой. О чём думала бабушка? Что вспоминала? Родную деревню, в которой давно не была? Своих ушедших родных?

– Давай посмотрим старые фотографии, – предлагал.

Они уже были давно пересмотрены, но альбом с чёрно-белыми снимками каждый раз завораживал.

– А это кто? А это?

На фотографиях бабушка всегда среди людей.

Вот она совсем молодая с граблями и огромной копной сена на заднем фоне, вот – с сыновьями в одинаковой худенькой одежонке… В конце альбома ворох цветных фото с многочисленными внуками и правнуками. Вся жизнь уместилась в одном альбоме.

Как-то раз она подвела меня к старому шифоньеру с вечно скрипучей дверцей.

– Вот тут в узелке на смерть всё уж собрано, – показала на самую нижнюю полку.

– Бабушка! Не говори об этом!

Она ничего не ответила.

Долго смотрели фотографии, а потом пили чай на кухоньке: у бабушки всегда было припасено свежее печенье и конфеты. Без чая не отпускала домой. И в тот последний поход в больницу она взяла с собой несколько конфеток к чаю...

Как тяжело мне пишется! Жизнь потому что тяжёлая у бабушки была, у всего её поколения.

Бабушка мне никогда не снилась. Только недавно увидел во сне: сидит на высоком красивом троне. Какой трон, откуда?.. Хоть там отдыхает терпеливица.

Тот старый фотоальбом мы взяли себе: это главное богатство. А ещё у меня сохранились старые советские открытки с днём рождения, подписанные «внуку Артемию» с самыми простыми пожеланиями – здоровья, счастья, успехов в учёбе…

Как-то в детстве мы гуляли с бабушкой по новой улице города.

– Эти сосны и берёзы мы с девками сажали, когда я работала в домоуправлении. Привезли из леса маленькими, такой же высоты, как ты сейчас, – рассказывала.

Не спросил тогда, какие именно деревья она посадила: подошёл бы сейчас, погладил гладкие стволы берёзы или шершавые – сосны. Вымахавшие за эти годы деревья тянут ветви, словно руки, к небу. Они будут ещё долго-долго радовать всех.

Звание дипломанта **Сумкина Алина Алексеевна –** родилась в селе Николаевское, Улётовского района, Забайкальского края. Студентка второго курса Читинского ФГБОУ ВО Байкальский Государственный университет, юридический факультет. Помимо увлечения литературой занимается спортом и военно-патриотической деятельностью. Мечтает служить в правоохранительных органах.

Чтобы помнили…

Некоторые вещи, на которые способен человек сложно представить. Узнавать о том, что они происходили в реальности тяжело и страшно. Но молчать о таких вещах непростительно, иначе им будет суждено повториться. Мы обязаны об этом знать.

Живя в новом веке и третьем тысячелетии, хочется оглянуться назад, увидеть и оценить самое значительное, судьбоносное. Первой в ряду таких событий, на мой взгляд, стоит Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Чем дальше мы от неё, тем больше осознаём величие народного подвига. И тем острее – страшную цену победы. Сколько искалеченных, изломанных жизней, сколько не рождённых детей, сколько мук материнских, отцовских, вдовьих! Страшной была плата за спасение Отечества. Двадцать миллионов не доживших до 9 мая 1945 года... Они погибли. Погибли на полях сражений, умерли в госпиталях от ран, в концлагерях от голода, холода, издевательств, погибли в душегубках, на виселицах, под струями воды на трескучем морозе, под клыками специально натренированных собак, зарытые в землю живьём...

74 года прошло с тех пор, когда топтали русскую землю кованые немецкие сапоги. Мы не слышим гула самолетов с фашистскими крестами на крыльях, люди не бегут в бомбоубежище, не стоят ночь напролёт за четвертинкой чёрного хлеба. Война давно уже стала историей, главные участники которой - время и люди. Те, кто в той страшной войне отдал свою молодость, здоровье и жизнь ради нас, живущих теперь в свободной стране. Это были жители больших городов и лесных крошечных заимок, люди разных национальностей и вероисповеданий, молодые, старые и совсем ещё дети.

Война обрушилась на детей так же, как на взрослых, – бомбами, голодом, холодом, разлуками. Но и в эти годы дети были первой заботой народа. Выживут они – выживет страна, её история, идеалы, будущее.

А дети в ту суровую пору были не только жертвами – они становились и воинами. С плакатов на них смотрела женщина с тревожными, скорбными глазами: «Родина-мать зовёт!» И эта мать звала их туда, где шёл бой, поднимала в атаку. За особые заслуги, мужество и героизм, проявленные в борьбе с захватчиками, звание Героя Советского Союза было присвоено Марату Козею, Саше Чекалину, Зое Космодемьянской, Александру Морозову, Леониду Голикову и многим сотням, тысячам других мальчишек и девчонок.

Особые заслуги! А они были ещё детьми. Не достигнув совершеннолетия, ребята достигали таких высот мужества, что оказывались достойными Золотых Звёзд Героев. Их воинская и трудовая доблесть стояла в одном строю, плечом к плечу с мужеством взрослых.

О некоторых из них я хочу рассказать.

Брестская крепость первой приняла на себя удар врага. Рвались бомбы, снаряды, рушились стены, гибли люди и в крепости, и в городе Бресте. С первых минут ушёл в бой отец Вали Зенкиной. Ушёл и не вернулся, погиб героем. А Валю фашисты заставили под огнём пробираться в крепость, чтобы передать её защитникам требование сдаться в плен. Валя в крепость пробралась, рассказала о зверствах фашистов, объяснила, какие у них орудия, указала место их расположения и осталась помогать. Она перевязывала раненых, собирала патроны и подносила их бойцам.

Разные испытания выпали на её долю, но она выдержала. Выстояла. И свою борьбу продолжила уже в партизанском отряде, наравне со взрослыми. За отвагу и мужество орденом Красного Знамени наградила Родина свою юную дочь.

За операцию по разведке и взрыву ж/д моста через реку к правительственной награде была представлена ленинградская школьница Лариса Михеенко. Но вручить своей отважной дочери награду Родина не успела...

Война отрезала девочку от родного города: летом уехала она на каникулы в другой район, а вернуться не смогла – деревню заняли фашисты. Ночью сумела Лариса незамеченной выйти из села и пробраться в партизанский отряд. Командир вначале отказался принять «такую маленькую»: ну какая из неё партизанка! Но как же много могут сделать для Родины даже совсем юные её граждане! Девочке оказалось под силу то, что не удавалось сильным мужчинам. Переодевшись в лохмотья, ходила она по деревням, выведывая, где и как расположены орудия, расставлены часовые, какие немецкие машины движутся по большаку, что за поезда и с каким грузом приходят на станцию. Участвовала и в боевых операциях.

Юную партизанку, выданную в одной из деревень предателем, фашисты расстреляли. В указе о награждении Ларисы Михеенко орденом Отечественной войны I степени стоит горькое слова: «Посмертно».

Её дважды казнили гитлеровцы, и боевые друзья долгие годы считали погибшей. Ей даже памятник поставили. В это трудно поверить, но, когда она стала разведчицей, ей не было ещё и десяти лет. Маленькая, худенькая, она, прикидываясь нищенкой, бродила среди фашистов, всё подмечая, всё запоминая, и принося в отряд ценнейшие сведения. А потом вместе с бойцами взрывала фашистский штаб, пускала под откос эшелон с военным снаряжением, минировала объекты. Первый раз её схватили, когда вместе с Ваней Звонцовым вывесила она 7 ноября 1941 года красный флаг в аккупированном врагом Витебске. Били шомполами, пытали, а когда привели ко рву – расстреливать, сил у неё уже не осталось – упала в ров, на мгновение опередив пулю. Ваня погиб, а Надю партизаны нашли во рву живой...

Второй раз её схватили в конце 43-го. И снова пытки: её обливали на морозе ледяной водой, выжигали на спине пятиконечную звезду. Считая девочку мёртвой, гитлеровцы, когда партизаны атаковали село, бросили её. Выходили Надю, парализованную и почти слепую местные жители.

Надя Богданова была награждена орденом Красного Знамени Отечественной войны I степени, медалями.

1941 год. Весной закончил пятый класс. Осенью вместе с сестрой вступил в партизанский отряд. Поначалу в отряде посмеивались: «Ну и пополнение!» Но узнав, что они дети той женщины, что пекла хлеб для партизан, шутить перестали (их маму фашисты расстреляли).

В отряде была «партизанская школа». Там обучались будущие минёры, подрывники. Володя на «отлично» усвоил эту науку и вместе с товарищами пустил под откос восемь эшелонов. Приходилось ему и прикрывать отход группы, гранатами останавливая преследователей...

Он был связным; ходил в город, доставляя ценнейшие сведения; дождавшись темноты, расклеивал листовки. От операции к операции становился опытнее, искуснее. За голову партизана Казначеева фашисты назначили награду, даже не подозревая, что отважный их противник – совсем ещё мальчик.

Он сражался рядом со взрослыми до того самого дня, пока родной край не был освобождён от фашистской нечисти, и по праву разделил со взрослыми славу героя – освободителя родной земли. Володя Казначеев награждён орденом Ленина, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Свой героический путь борьбы с фашистами пионер Витя Хоменко прошёл в подпольной организации. В школе по немецкому у Вити было «отлично», и подпольщики поручили мальчику устроиться в офицерскую столовую. О мыл посуду, случалось, обслуживал офицеров в зале и прислушивался к их разговорам. В пьяных спорах фашисты выбалтывали сведения, которые очень интересовали подпольщиков.

Быстрого, смышлёного мальчишку немцы стали посылать с поручениями, а вскоре и вовсе сделали посыльным при штабе. Им и в голову не могло прийти, что самые секретные пакеты первыми читали подпольщики на явке...

5 декабря 1942 года были схвачены фашистами и казнены десять подпольщиков. Среди них два мальчика – Шура Кобер и Витя Хоменко. Они жили героями и погибли как герои. Орденом Отечественной войны I степени – посмертно – наградила Родина своего бесстрашного сына. Имя Вити Хоменко носит школа, в которой он учился.

Шла война. Над посёлком, где жил Саша, надрывно гудели вражеские самолёты. Родную землю топтал вражеский сапог. Не мог с этим мириться Саша Бородулин. Он решил бороться с

фашистами. Раздобыл винтовку. Убив фашистского мотоциклиста, взял первый боевой трофей – настоящий немецкий автомат. День за днём вёл он разведку. Не раз отправлялся на опасные задания. Немало уничтоженных машин и солдат было на его счету. За выполнение опасных заданий, за проявленное мужество, находчивость и смелость Саша был награждён орденом Красного Знамени.

Однажды каратели выследили партизан. Трое суток уходил от них отряд, дважды вырывался из окружения, но снова смыкалось кольцо. Тогда командир вызвал добровольцев – прикрыть отход отряда. Саша первым шагнул вперёд. Пятеро приняли бой. Один за другим они погибали. Саша остался один. Ещё можно было отойти – лес рядом, но отряду была так дорога каждая минута, которая задержит врага, и мальчик вёл бой до конца. Он, позволив фашистам сомкнуть вокруг себя кольцо, выхватил гранату и взорвал их и себя.

Саша Бородулин погиб, но память о нём жива. Память о героях вечна!

Черниговщина. Фронт подошёл вплотную к селу. Под мостом – мальчик. Он вытаскивает железные скобы, подпиливает сваи, а на рассвете из укрытия наблюдает, как рушится мост под тяжестью фашистского БТРа. Партизаны убедились, что Васе можно доверять и поручили ему серьёзное дело: стать разведчиком в логове врага. В штабе фашистов он топит печи, колет дрова, а сам присматривается, запоминает, передаёт сведения в отряд.

Каратели, задумавшие истребить партизан, заставили мальчика вести их в лес. Но Вася вывел гитлеровцев к засаде полицаев. Гитлеровцы, в темноте приняв их за партизан, открыли бешеный огонь, перебили всех полицаев и сами понесли большие потери.

Вместе с партизанами Вася Коробко уничтожил девять эшелонов, сотни гитлеровцев. В одном из боёв он был сражён вражеской пулей.

Своего маленького героя, прожившего короткую, но такую яркую жизнь, Родина наградила орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

11 июня 1944 года на центральной площади Киева были выстроены части, уходившие на фронт. И перед этим боевым строем зачитали указ о награждении пионера Кости Кравчука орденом Красного Знамени за то, что спас и сохранил два боевых знамени стрелковых полков в период оккупации города.

Отступая из Киева, два раненых бойца доверили Косте знамёна. И Костя обещал сохранить их. Сначала закопал в саду: думалось, скоро вернуться наши. Но война затягивалась, и, откопав знамёна, Костя хранил их в сарае, пока не вспомнил про старый, заброшенный колодец за городом. Завернув свой бесценный вклад в мешковину, он на рассвете выбрался из дому с сумкой через плечо, и повёл к далёкому лесу корову. А там, оглядевшись, спрятал свёрток в колодец. И всю долгую оккупацию нёс пионер свой нелёгкий караул у знамени, хотя и попадал в облаву, и даже бежал из эшелона, в котором увозили киевлян в Германию.

Когда Киев освободили, Костя пришёл к военному коменданту города и развернул знамёна перед повидавшими виды и всё же изумлёнными бойцами.

11 июня 1944 года вновь сформированным частям, уходившим на фронт, вручили спасённые Костей знамёна.

Когда началась война, и фашисты приближались к Ленинграду, для подпольной работы в посёлке на

юге области была оставлена вожатая школы. Для работы с партизанами она подобрала самых надёжных своих пионеров. Первой среди них была Галя Комлева. Юная связная приносила от партизан задания для своей вожатой, а её донесения переправляла в отряд вместе с продуктами и медикаментами. Вместе с другими ребятами Галя писала листовки и ночью разбрасывала их по посёлку. Фашисты выследили и схватили юных подпольщиков. Два месяца держали в гестапо. Жестоко избив, бросали в камеру, а утром снова выводили на допрос. Ничего не сказала врагу Галя, никого не выдала. Юная патриотка была расстреляна. Подвиг Гали Комлёвой отметила Родина орденом Отечественной войны I степени.

Куда бы ни шла синеглазая девочка Юта, её красный галстук неизменно был с нею... Летом 1941 года приехала она на каникулы в деревню под Псковом. Здесь настигла Юту страшная весть: война! Здесь увидела она врага. Здесь стала помогать партизанам. Сначала была связной, потом разведчицей. Переодевшись мальчишкой – нищим, собирала по деревням сведения: где штаб фашистов, как охраняется. В тяжёлые минуты Юта поддерживала бойцов звонкой песней и рассказом о родном Ленинграде... И как же радовались все, как поздравляли Юту, когда пришло в отряд сообщение о прорыве блокады. Ленинград победил! В тот день и синие глаза Юты, и красный её галстук сияли особенно ярко.

Но ещё стонала под вражеским игом земля, и отряд вместе с частями Красной Армии ушёл помогать партизанам Эстонии. В одном из боёв – у эстонского хутора – Юта Бондаровская, маленькая героиня большой войны, пала смертью храбрых. Родина наградила свою героическую дочь посмертно медалью «Партизану Отечественной войны» I степени, орденом Отечественной войны I степени.

Лёня Голиков вступил в партизанский отряд в январе 1942 года. Партизаны наносили серьёзный урон фашистским войскам. Для борьбы с ними немцы бросили крупные силы карательных отрядов, которые напирали со всех сторон. Связь штаба бригады с отрядами была потеряна. Чтобы попасть в тыл, решено было пробиваться через линию фронта. На короткий отдых остановились в маленькой деревеньке. Здесь и принял Лёня последний свой бой. Они сражались до тех пор, пока не закончились патроны. Спасая документы, мальчик пытался уйти. Его ранило в руку. Тогда он поднялся на ноги, рассчитывая зубами вырвать кольцо последней гранаты и бросить её, когда каратели подойдут вплотную, но не успел, вдруг что-то больно ударило в грудь... Его расстреливали в упор. Автоматная очередь оплела тело, скрутила, согнула его и отбросила назад. Так погиб юный разведчик Лёня Голиков.

Шагает по заснеженному большаку маленький человек в лаптях, в потрёпанной фуфайке. Проезжают по дороге немецкие машины, попадаются навстречу и пешие гитлеровцы, и полицаи. Никому из них и в голову не может прийти, что по дороге идёт партизан — разведчик. Раненый комиссар, которого спас Марат, создал в их селе подпольную группу. Семья Казей вошла в неё первой. Они печатали и распространяли листовки, устраивали взрывы и поджоги во вражеском гарнизоне, а потом многие ушли в лес. В их числе были брат и сестра Казеи. Оккупанты, узнав о подпольщиках, жестоко расправились с их родными. Повесили и мать Марата. А сын поклялся мстить за неё! Теперь его домом стал дремучий бор, подушкой - еловые ветви. А сам парнишка превратился в лесного бойца, ловкого разведчика. Он не искал лёгкого дела. Ходил в разведку и один, и в группе с другими бойцами. Во всякую пору. Шёл во вражеские гарнизоны забывая про отдых, про сон, про боль в натёртых до крови ногах. Он хорошо запоминал расположения немецких постов и техники, брал «языков» и добывал такие нужные документы, пускал под откос вражеские эшелоны...

Очередное задание. Предательство. Времени для отхода не было. Верный конь Орлик вздыбился под Маратом, затем рухнул на землю... Марат бил из автомата до тех пор, пока не кончились патроны. Затем он поднялся во весь рост и шагнул навстречу врагу:

– Берите меня! Ну, берите же!

В руках он зажал гранату, выдернул из неё предохранитель и ринулся к сгрудившимся и опешившим гитлеровцам... Радостное возбуждение охватило мальчишку. Вспомнились мать и сестра.

«Сегодня я отомстил за них!» Столб пламени взметнулся в воздух...

Эхо далёкого боя. Запах горелой ржи... Усталая, оглушённая девочка с широко раскрытыми от ужаса глазами тащит на себе тяжело раненого бойца. Мать и братишка после бомбёжки затерялись в толпе беженцев, а она – 13-ти летняя девчонка – превратилась в бойца. Так в первый день войны брестская школьница Клава Шаликова, дочь военного, вместе со взрослыми была поднята в атаку. Так она оказалась среди партизан. В отряде чистила картошку, таскала дрова, перевязывала раненых. Если они умирали у неё на руках – плакала. А ещё она рассказывала им о родном донском селе с ласковым названием, где она родилась, где училась ездить на лошадях.

Война не разбирается, кто солдат, кто командир, кто мужчина, кто женщина. Или девочка. Подставляй плечо под общую ношу, и всё.

Это произошло в одном селе. Половина села наша. Половина – у врага. На колокольне вражеские пулемёты. Нет боеприпасов. Повозка со снарядами застряла в пути – убило лошадь. Клава вызвалась достать лошадь у немцев.

– Я же казачка...

Она кралась по огородам. Через капусту и помидоры, через заросли кукурузы. Коновязь находилась у колокольни. Девочка долго лежала за плетнём. Думала, высчитывала. И вдруг выбежала на площадь, вскочила на коня, перемахнула через плетень. И, прижавшись к конской шее, поскакала к своим.

– Вот конь!

Казалось бы, что особенного сделала она? – подорвала эшелон, поддерживала связь с партизанами. Удивить ли было гитлеровцев подобным. В этой непостижимой стране, у этого непонятного народа – партизан или связной чуть ли не каждый; и стреляют, и вешают, и жгут их – ничто не помогает.

13 лет. Ей бы в куклы играть, а у неё в руке мина. Ей бы плакать по ночам от жалостливых сказок, а она воюет с солдатом фюрера. С солдатом, который согнул Европу! А солдат – это армия. Выходит, русская девочка победила целую армию!?

Вот о чём я хотела сегодня рассказать. О детях военной поры. Пионерах-героях, беззаветно любящих свою Родину. Они жили в разных местах, но в одно время, в одной стране. У них были разные имена, но одинаковые судьбы. Даже подвиги, совершаемые ими, были похожи. Была похожа и их смерть – страшная, мучительная. Смерть во имя жизни. Нашей жизни.

И вот уже 74 года смотрят к нам в души безнадёжно печальные глаза тех, которым не пришлось родить и вынянчить своих детей, иметь внуков.

Так пусть же звенит над всей страной 9 мая скорбная, горькая, торжественная Минута Молчания!

Вечная память погибшим в той войне и глубокий поклон выжившим.

Нет прощения подобным деяниям и нет забвения памяти о войне.

Добавить комментарий

Комментарии